

Наталья
Шнейдер

Сиротка для
ДРАКОНА
Боевой фракцией

Наталья Шнейдер
Сиротка для дракона.
Боевой факультет
Серия «Драконы империи», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70183912
SelfPub; 2024*

Аннотация

Сиротку приняли на боевой факультет. Везение? Может быть. Декан считает, что девушки поступают на боевой факультет только чтобы найти себе мужа, но я-то знаю, что собираюсь стать сильным магом. Вот только один наглый старшекурсник постоянно отвлекает меня от занятий. Лучше бы я никогда не узнала, кто он на самом деле. Лучше бы нам вовсе не встречаться! Первый том.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	54
Глава 7	64
Глава 8	73
Глава 9	84
Глава 10	94
Глава 11	104
Глава 12	114
Глава 13	124
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Наталья Шнейдер

Сиротка для дракона.

Боевой факультет

Глава 1

– Стой! – завопила я. – Стой, ворюга!

Как же, остановится он. Только скорости прибавил.

– Куда прешь, дура, – крикнула мне вслед дородная тетка, отпрыгнув с пути в последний момент.

– Сама дура, – огрызнулась я, прибавляя ходу вслед за во-ришкой.

Да что толку, если боги не расщедрились для меня на нормальный рост? Пацан, стащивший мою сумку, был выше на полголовы – даром что усы еще толком не пробились. И ноги, само собой, у него оказались длиннее, так что перебирай я своими, не перебирай, спина в латаной-перелатаной рубахе отдалялась все сильнее, то и дело скрываясь за прохожими. Сейчас вывернет на площадь, нырнет в толпу у рынка – и поминай как звали вместе со всеми моими вещичками!

– Стой! – снова крикнула я скорее для успокоения, чем надеясь на результат.

Остановилась, хватая ртом воздух. Не хочет по-хороше-

му, будет по-плохому. Я встряхнула руками, прикрыв глаза, ощутила, как магия согревает кончики пальцев. Еще немного, и искры сорвутся, шарахнув вора. Не смертельно – дернет, как иногда дергает искрами шерстяная ткань, только по-сильнее, чтобы свалился. Вот...

Но прежде, чем заклинание слетело с моих рук, кто-то схватил меня сзади за плечо и развернул, впечатывая спиной в стену дома.

– С ума сошла – боевыми заклинаниями в толпе кидаться! – рявкнул мужской голос.

– Без тебя разберусь, – огрызнулась я.

Мазнула взглядом по узкому породистому лицу и снова повернулась к воришке, что занимал сейчас мысли. Все мои вещи, почти все деньги и – самое главное – копия приказа о зачислении в университет! Даже если сам наследный принц вцепился сейчас в мое плечо – плевать!

– Да пусть же, уйдет!

– Кто? – спросил он.

Голос был низкий, «бархатный», в другое время слушала бы и слушала.

– Пусть, говорю! – Я попыталась вывернуть руку хитрым приемом, которому меня когда-то давно научили старшие мальчишки, – но мое запястье выпустили на миг и тут же перехватили снова. Вроде бы осторожно, но так, что не шелохнуться. Словно не рукой держал, а стальными клещами.

Пришлось посмотреть второй раз. Высокий, в сравне-

нии со мной настоящая каланча. Широленные плечи, мощная шея, длинные темные волосы. Насмешливая полуулыбка чувственных губ, вовсе не сочетающаяся с внимательным взглядом.

– Вот тот задохлик? Может, хоть поест...

Он зыркнул на меня золотыми кошачьими глазищами с хищным вертикальным зрачком. Я ошарашенно моргнула. Нет. Обычные карие. Примерещится же!

– Тогда мне будет жрать нечего! – рывкнула я, окончательно приходя в себя, и – о чудо! – стальная хватка разжалась.

Времени я терять не стала: быстрее, пока не ушел. Хотя если уж начистоту – уйдет, и все из-за этого, этого...

А в следующий миг случилось второе чудо: воришка споткнулся и растянулся на мостовой. Я рванулась так, словно за мной изначальные твари гнались, и сиганула на спину едва начавшему подниматься вору. Тот снова потерял равновесие, со всего маху хлопнувшись о булыжники, взвыл. Не укради он мою сумку, может, и посочувствовала бы, а так – только поскорее подхватила ее с мостовой, вцепилась обеими руками. Второй раз никто не выдернет, уже ученая.

Я слезла с поверженного вора – тот, кряхтя будто старик, перевернулся на спину и вставать не торопился. Я бы тоже не торопилась на его месте: колени разодрало до мяса и ладони, да и носом, кажется, приложился – кровь текла по усишкам. На миг мне стало его жаль: не от хорошей жизни сумки держал, совсем не от хорошей. Кто знает, не окажись я в при-

юте, тоже бы сейчас, наверное, на улице промышляла, если бы дожила до своих лет.

– Дать бы тебе, да мараться неохота, – пробурчала я и уже собралась уходить, как меня снова схватили – в этот раз за шиворот, тряхнув, как котенка.

– А ты куда собралась?

Еще не оглядываясь, я знала, что это не тот красавчик. И голос другой: сиплый, дребезжащий. И воняет луком и пивом – а от того пахло какими-то горькими травами. Стражник? Так и есть. Но чего он ко мне-то прицепился?

– То есть как это «куда»?

Лапища стражника потянулась к моей сумке, и я прижала свои пожитки к груди обеими руками. Дернулась, но ворот по-прежнему держали и ничего не вышло.

– Отдай по-хорошему, – предложил стражник.

– Еще чего!

– Сдается мне, не твоя это вещь. Одежонка на тебе дешевенькая, башмаки сбитые.

Не сбитые, а как следует разношенные! Зато не трут! И вообще: мои башмаки, какие хочу, такие и ношу!

– Не по деньгам она тебе. Сдается мне, ворованное вы не поделили.

– Не вам мои деньги считать! – вскинулась я. – Сумку эту я честно купила в лавке Таннера...

Третью «подъемных» за нее отдала. Но одежда моя, хоть и видала виды, в починке пока не нуждалась, тем более что

в университете придется носить форменный мундир, а вот сумка едва дышала. И то сказать – в той сумке меня самую подкинули к дверям приюта, за восемнадцать лет что угодно износится, не то что холстина. Выбросить ее, правда, у меня рука не поднялась, так и лежала сейчас на дне новой – из хорошей кожи, с тиснением. Множество карманов, пряжки, позволяющие расширить или убрать ненужный объем, широкий ремень, который можно было перекинуть через плечо или, перестегнув по-другому, превратить в две лямки. Отличная вещь для будущего боевого мага – и прослужить должна долго.

Вот только на холщовую мою старую воришка бы не позарился, даже если бы она была туго набита. А эту, вот, приглядел... себе на голову.

– Да в лавке Таннера тебе даже пряжка на башмаки не по карману! – фыркнул стражник. – Пойдем-ка, разбираться будем. И ты, малец, вставай, тоже пойдешь.

– Это моя сумка, а она у меня украла! – вдруг возмутился воришка.

– Да ты... – Я на миг вообще забыла все слова, ошеломленная такой наглостью.

Зачем ему это надо? В следующую секунду я поняла: тянет время, вдруг стражник отвлечется, и можно будет бежать. Я бы тоже не отказалась. Стражники – они разные бывают: от кого-то я ничего, кроме добра, не видела, а о ком-то девочки, успевшие пожить на улице, такое рассказывали...

– Твоя, говоришь? – раздался за спиной знакомый баритон.

Мы со стражником обернулись одновременно, и тот выпустил мой воротник. Я быстро огляделась: рвануть бы сейчас что есть ног! Пузатый одышливый стражник не догонит, а красавчик наверняка сочтет ниже своего достоинства бегать за всякими тут... Но прежде, чем я успела дернуться, сильная рука выхватила мою сумку. Вот тебе и «не вырвут второй раз!». Я мысленно обругала себя последними словами: нашла время рот разевать! Теперь не улизнуть: бросать сумку никак нельзя.

– Отдайте! – возмутилась я.

Стражник протянул руку. Да что всем покоя не дает мое имущество!

– У вас наверняка много дел, господин. Не утруждайтесь, мы разберемся, – неожиданно мирно сказал он.

Ну да, по этому-то красавчику сразу видно: птица высокого полета. Шелка, золотое шитье, а за амулет на толстой цепи, свисавший в раскрытом вороте, пару домов, наверное, купить можно. С таким ссориться не с руки.

Интересно, из благородных или из богатеньких? Богатенького стражник, может, еще и отправит восвояси, хотя аккуратно и вежливо, мало ли какие у того знакомства. Благородного при деньгах – поостережется, чтобы проблем не было. Благородный, если захочет, и без места, и без штанов оставит, даром что молодой. Впрочем, что молодой – еще хуже,

старик, может, поленился возиться, а молодые как раз по любому поводу закуситься готовы, доказывая, какие они молодцы. Хотя этот не юнец уже, лет двадцать пять, должен бы уже в голове что-то, кроме гонора, иметь...

– Как каждый добропорядочный горожанин я должен оказывать всякое содействие закону, – усмехнулся тип с амулетом. – А закон в лице его представителей, в свою очередь, должен следить за тем, чтобы не покарать невиновного. Вот и все остальные добропорядочные горожане подтвердят, что прилюдное разбирательство – главный залог честного разбирательства.

Вокруг загудели. Оказывается, собралась уже приличная толпа. Воришка повертел головой туда-сюда, но «добропорядочные граждане» уже сжали вокруг нас кольцо.

– Верно парень говорит, разобраться надо, – слышался мужской голос. – Не похожа девчонка на воровку.

– Много ты понимаешь! – ответил ему резкий женский. – Зенки свои бесстыжие на ее задницу вылупил, судья нашелся!

Я залилась краской. Кто-то хихикнул.

– А девка наверняка гуляющая, в штанах-то. Поди, у мужика какого сумку стащила.

– Да чтоб твоей дочке такой гулящей быть, как я! – огрызнулась я, выискивая взглядом в толпе наглую бабенку.

Может, она и хотела что-то ответить, но снова заговорил парень с амулетом:

– Граф Сандью, – при этом имени стражник икнул и подобрал живот, – часто жалуется, что многие стражники обделены умом и честью. Уверен, вы не из таких и сейчас разберетесь по справедливости.

Значит, из благородных. Стражник, кажется, тоже это понял, скуксился так, словно лягушку живьем сожрал. Красавчик тем временем ловко расстегнул пряжку на сумке, сунувшись внутрь. Прежде чем я успела возмутиться, спросил, в упор уставившись на воришку:

– Твоя, говоришь? И что там внутри?

– Ну... вещички всякие. Одежда...

– Бельишко? – подсказал ему красавчик.

– Ну да.

– Бельишко, говоришь? – усмехнулся он, вытаскивая на свет божий сорочку.

У меня загорелись щеки. Честное слово, лучше бы он панталонами моими прилюдно тряс, чем этим! И без того полупрозрачный батист покрывала ажурная вышивка, так что сорочка эта выглядела не тем, что носят под платьем, а тем, что надевают, чтобы тут же снять. Не в одиночестве.

Прибью Лидию, как увижу! Руки у нее золотые и душа добрая, а вот с мозгами не очень.

«Я специально для тебя вышивала, – сказала она, вручая мне эту сорочку пару дней назад. – В университете наверняка будет много парней знатных и богатых. Наденешь на свидание под форму, чтобы, когда он тебя расстегнет...»

«Какое „расстегнет“, я не за тем туда собираюсь!» – возмутилась я тогда, но подруга лишь загадочно улыбнулась. Я не стала спрашивать, где она успела этого нахвататься, – в отличие от меня, Лидия жила на улице лет до восьми.

От этой речи да и от подарка я схватилась за голову. Парней-то в университете, тем более на боевом факультете, может, и полно, и большинство из них богатые и знатные. Одна незадача: я бедна, как храмовая мышь, и о родителях своих ничего не знаю. А значит, богатым и знатым могу понадобиться только в одном качестве – брать то, что от девушек из хороших семей до свадьбы не получают.

Вот только меня такая роль совершенно не устраивает. Потому ни о каких свиданиях я и думать не собиралась, и уж, конечно, никаких «расстегнет». Но не принять подарок, на который подруга потратила столько времени и сил, я не могла. И вот – надо же, из всего барахла красавчик выцепил именно это кружевное безобразие.

– Симпатичное бельишко, – продолжал он. – Наверное, тебе пойдет.

Воришка выругался. В толпе заржали.

– Отдай! – Я вцепилась в свою вещь, но тип с амулетом держал крепко.

Жалобно затрещала ткань. Ну и туда ей и дорога, все равно я ни за что ее не надену. В следующий миг парень разжал пальцы, и я едва не свалилась. Неловко взмахнула сорочкой, огрев по лицу стражника. В толпе заржали еще пуще.

Мои щеки пылали так, что даже странно, почему все вокруг не разбежались от жара. На глаза навернулись злые слезы – нашли тоже представление. И этот... откуда только взялся, чтоб его изначальные твари сожрали!

– Подавятся, – ухмыльнулся красавчик.

– А? – не поняла я.

– Изначальные твари мной подавятся, – пояснил он, и я проглотила очередное ругательство. Сама виновата, мысли свои надо держать при себе, а не бормотать под нос.

– Что ж, думаю, дальше можно не разбираться, – сказал парень, но тут отмер стражник.

– Шустры вы, больно, ваше сиятельство.

Глава 2

Интересно, в самом ли деле «сиятельство», то есть самое малое граф? Или просто «ваше благородие» – барон? А то и вовсе нетитулованный? Ох, да мне-то какая разница! Забрать бы свои вещи и бежать без оглядки от этого «поборника справедливости», который на самом деле просто развлекается за мой счет.

– Оно, конечно, дело молодое, а девчонка прехорошенькая, как не вступиться. Да только что я капитану скажу, когда до него дойдет? – продолжал стражник. – Пусть докажет, что...

– ...перестала бить жену по утрам, – буркнула я. Тут же едва не прикрыла рот ладонью: воистину язык мой – враг мой. Но, на мое счастье, слух у стражника был не такой острый.

– ...не воровка!

– Что скажешь? – судя по ухмылке типа с амулетом, он опять услышал то, что для его ушей не предназначалось.

Сказать-то я хотела много чего, но вряд ли кто-то здесь будет рад это услышать, потому блистать красноречием не стоило. Разве что все-таки поволокут в каталажку: тогда уж терять нечего. Так что пришлось вести себя прилично.

– В сумке среди прочих вещей копия приказа о зачислении в университет на факультет боевой магии. В приказе три

дюжины имен, среди прочих – Лианор Орнелас. Кроме приказа, там лежит билет на жительство на имя Лианор Орнелас.

Стражник открыл было рот, но я перебила его:

– Если вы хотите сказать, что я успела покопаться в украденном, то в билете на жительство есть описание внешности. Рост пять футов два дюйма, сложение среднее, волосы белые, глаза серые... – Пожалуй, полностью зачитывать описание не стоило. – Или после этого вы добавите, что я обокрала свою точную копию?

Красавчик извлек из сумки папку, в которую я сложила бумаги, бегло проглядел одну, вторую.

Стражник сдаваться не собирался. Уж очень ему не хотелось при всем честном народе признаваться, что был неправ.

– Да мало ли в столице таких пигалиц белобрых? Просто совпало так, что еще одну такую же обчистила. Правду же говорят, вору все впору.

А еще совпало так, что из всех столичных стражников мне попался самый дубоголовый. Но и эту мысль следовало придержать при себе. Как же мне вывернуться?

Красавчик протянул бумаги стражнику.

– Я бы не советовал вам упорствовать в своем заблуждении...

Тот оттолкнул его руку, побагровев, даже заглядывать не стал.

– Я достаточно прослужил в страже, чтобы самому разо-

браться, кто есть кто!

– ...если не желаете приобрести проблемы с родом Орнелас из Фарии, – словно не услышал его тип с амулетом. – На сколько я знаю, император тепло относится к своим дальним родственникам.

Стражник вытаращил глаза, я тоже на пару мгновений потеряла дар речи. Неужто в соседней Фарии есть знатный род с такой фамилией? Я же ее себе придумала, вот пару дней назад, когда надо было получать билет на жительство! Звучало красиво и к имени подходило. Имячко-то у меня тоже нездешнее. Жаль, не спросить уютскую нянечку, которая в тот год работала, за что она меня таким наградила. Драться пришлось научиться раньше, чем читать. Хотя, может, стоит и спасибо сказать: будь я одной из сонмища Энн или Джейн, наверное, и характер бы другой получился. Поступала бы не на боевой, а на бытовой факультет.

– Эх вы загнули, ваше благородие, – делано рассмеялся стражник.

Я мысленно хихикнула: красавчик успел в его глазах скатиться от «сиятельства» к «благородию». Этак еще с четверть часа попрепираются, и перейдет в разряд «эй, ты!».

– Где император, а где эта пигалица! Да и будь она из Фарии, не билет на жительство у нее тогда бы был, а проезжая грамота. И дворянская грамота.

– У знати свои причуды, – ухмыльнулся красавчик. – Вам ли не знать.

Может, стражник и хотел сказать что-то еще, но тут во-ришка взлетел пружиной, двинул в солнечное сплетение ближайшему мужику и, едва тот сложился, сиганул через него, будто играя в чехарду. Приземляясь, оттолкнул женщину – даром что та была раза в три шире него – и помчался со всех ног.

– Держи его! – закричал кто-то.

Кто-то засвистел. Толпа заколыхалась, потянулась в сторону беглеца. На мой локоть легла чужая рука, потянула в сторону.

– Пошли отсюда, пока он занят другим, – горячо и щекотно прошептали мне в ухо.

– Но... – пролепетала я. Совершенно не вовремя к щекам прилила кровь, ноги стали ватными, и все, что мне оставалось, – подчиниться силе, что неумолимо влекла меня прочь.

– Быстрее, говорю. – Бархатный баритон прошелся мурашками вдоль позвоночника.

– Держи вора! – закричал за спиной стражник, и этот крик привел меня в чувство. Я заторопилась, но красавчик держал крепко.

– Быстро, но не суетись. Спокойно. Дай ему возможность «не заметить» твое исчезновение.

Я мотнула головой, окончательно перестав что-то понимать.

– Но...

– «Но, но...» Нашла тоже лошадь, – пробурчал он, свора-

чивая в переулоч. — Погоди. — Он замер, прислушиваясь.

Я тоже обратилась в слух. Крики «держи вора», повторившись пару раз, затихли. Про «воровку» никто и не вспомнил. Потом наступила тишина — насколько вообще может быть тихо на людной улице.

— Баран упертый, — проворчал парень с амулетом. — Понял ведь, что оплошал, да гордыня раньше него родилась. А ты тоже хороша: язык без костей.

— Я?! — Я выхватила у него папку с документами, торопливо пролистав. Все на месте, слава богам. Вырвала из рук сумку которую, парень, впрочем, тут же выпустил, запихала в нее документы и сорочку, ее, оказывается, он тоже до сих пор держал в руках. — Да если бы не вы, ваше... сиятельство, — я выплюнула это именование, будто ругательство, — вообще ничего бы не случилось! Откуда вы только свалились на мою голову!

— Зови меня Родерик, к тварям «сиятельств». И я тебе помог вообще-то, мелочь ты неблагодарная!

— Уж помог так помог! — Я начала застегивать пряжку сумки, но пальцы не слушались. — Да кто вас просил влезать! Я бы сама прекрасно справилась!

— Я видел, как ты справляешься! Прекрасно, ничего не скажешь!

— Да я бы забрала свое и смылась до того, как стражник появился, если бы вы меня не задержали! Нет, надо было все испортить!

Он ухмыльнулся.

– Не смог пройти мимо красивой девушки.

Он что, всерьез полагает, что я куплюсь на дешевый комплимент? Да он их наверняка десятками отсыпает, не задумываясь!

– Лучше проходили бы себе мимо! Если бы не ты... не вы... – От злости все слова закончились, оставив одни междометия.

– Если бы не я, тебя бы сейчас волокли в каталажку за нападение на добропорядочных горожан! – рявкнул он.

– Это вор-то добропорядочный!

Красавчик схватил меня за плечи, встряхнул так, что у меня голова мотнулась и зубы стукнули.

– Не попала бы ты в вора! Даже я не рискну в такой толпе боевыми заклинаниями швыряться!

– «Даже!» Тоже мне, боевой маг со стажем в полвека! – Я вывернулась из его хватки.

– Да уж побольше, чем у тебя. – Родерик снова поймал меня за плечо. – Ты чем вообще думаешь? Ладно бы в самом деле из рода Орнелас была, может, и отделалась бы поучением, а так – штраф и две недели в яме на первый раз! И кто тебя будет ждать в университете через эти две недели?

Его слова словно окатили меня ледяной водой, напомнив, кто я и кто он. Злость исчезла, сменившись усталостью – не физической, а той, что накатывает после серьезной встряски. Зато руки перестали дрожать, и удалось наконец справиться

с пряжкой. Я закинула сумку на плечо, подняла взгляд: на сильных мира сего следует смотреть открыто и прямо, показывая, что не имеешь никаких дурных помыслов.

— Что ж, спасибо за все, ваше сиятельство. — Против моей воли в голос все же просочился яд. — Разрешите идти?

— Я же сказал, брось этих «сиятельств». — Он выпустил меня, но вместо того, чтобы отступить, оперся о стену над моим плечом, преграждая путь. — Я Родерик, если ты с первого раза не запомнила. И с чего ты вообще взяла, что у меня есть титул?

Слишком близко он был, так близко, что запах горьких трав словно заполнил весь мир, а воздух между нами сгустился, мешая дышать. Я заставила себя вежливо улыбнуться, чтобы он не заметил мое замешательство.

— Очень уж громкими именами бросаетесь, ваше сиятельство. Даже нетитулованным дворянам до таких знакомств как до горных вершин, а уж торговому сословию, не говоря о прочих...

С торговцами высокородные типы дела, конечно, вели, но носы задирали и уж точно личных разговоров не разговаривали. Так что неоткуда ему знать, какую там родню привечает император и что граф Сандью, министр внутренних дел, говорил о столичных стражниках, если сам не из знати. Вот ведь принесло, и отставать не собирается!

Впрочем, сегодня весь день наперекосяк, давно такого не было. Я вообще-то везучая.

В самом деле, могли бы придушить, едва родилась, или в канаву выбросить – а подкинули в приют. Да не в простой, а в лучший. Правда в лучший: вряд ли еще хоть один сиротский приют в столице мог похвалиться душевным практиком. Обычно воспитанники кое-как сыты, как-то одеты-обуты – и ладно. Госпожа Кассия, то есть ее сиятельство графиня Кассия Сандью, работала не ради жалования, а, как она говорила, «из исследовательского интереса». Все воспитанники знали ее мужа, того самого графа Сандью, которого недавно вспоминал красавчик, хотя, конечно же, только в лицо. Не о чем ему было с нами разговаривать, слишком высокого полета птица. Достаточно и того, что позволял же не с нами возиться.

Душевный практик в приюте, графиня, которая заботится о сиротах из простонародья: по-настоящему заботится, а не заглядывая с визитом раз в месяц, – само по себе почти чудо. Но мало того, ходили упорные слухи, будто госпожа Кассия близко знакома с самой императрицей. Веря этим слухам, многие щедро жертвовали именно в наш приют. Барон Аллеманд, его бессменный управляющий, мог нанимать нам хороших учителей; кастелян и повара, опасаясь потерять отличное место, подворовывали в меру, не зарываясь.

Так что у меня уже было образование, которое и не снилось большинству сирот. Мало того, еще и достался магический дар, благодаря которому я буду бесплатно – подумать только, бесплатно! – учиться в университете. Правда, потом

придется отслужить пять лет короне, но и в этом можно найти свои плюсы. После такого остается только благодарить пресветлых богов за необыкновенное везение.

Но то ли оно закончилось с выходом за двери приюта, то ли – что вероятней – просто день такой выдался, но сегодня случалась одна неприятность за другой.

Хотя, если подумать... Вещи свои я вернула, воришка наказан как раз в меру – поймать его, такого шустрого, не поймают, но морду расквасил. Осталось отвязаться от прилипшего красавчика, и все снова будет в порядке.

Красавчик, правда, отлипать не собирался.

– Но ты же об этих именах слышана, а уж тебя-то к знати точно не причислить. – Он бесцеремонно пропустил между пальцами прядь моих волос. Улыбнулся так, что у меня на миг перехватило дыхание. – Или на дне твоей сумки в самом деле лежат проезжая и дворянские грамоты, а в Фарии тебя ждет родня?

– Я не знаю, откуда моя родня. – Я хотела сказать это ровным тоном, но голос внезапно сел, и пришлось прокашляться. – Вряд ли из Фарии. А имена... – Рассказывать про мою жизнь было совершенно незачем, пришлось немного уклониться от истины. – Имена я впервые услышала от вас, но и титулов достаточно, чтобы понять, насколько это знатные люди.

Он смерил меня внимательным взглядом.

– Не знаешь, значит, откуда родня? Сиротка, значит?

Я промолчала. Незачем подтверждать, что вступить за меня некому.

– И боевой факультет? Университет не каждой знатной семье по карману. Корона платит?

Да какая ему вообще разница? Может, я банк ограбила и решила вложить деньги в дело!

– Я могу идти, ваше сиятельство? – как можно вежливей спросила я.

Глава 3

– Вот же упрямая мелочь! – Он снова пропустил в руках прядь моих волос, будто погладил, и снова я зарделась. Попыталась скользнуть вдоль стены, но он оперся и второй рукой, оказавшись совсем близко. – Родерик. – Его дыхание коснулось моего лица, и меня бросило в жар. – Меня зовут Родерик.

Колени ослабли. Только полная дура не поняла бы, что ему нужно. И переулочек, как на грех, пуст, хотя в двух шагах отсюда течет людской поток. Впрочем, даже если бы рядом кто-то был – не вмешается.

Я убедилась в этом еще пять лет назад, когда улизнала с другой девчонкой в город. Не насовсем, я вовсе не собиралась сбегать. Просто я считала себя уже почти взрослой, и казалось, будто стены приюта отгораживают от настоящей жизни. Хотелось хоть одним глазком взглянуть на ту «настоящую» жизнь. Побродить по улицам, поглазеть издали на императорский дворец, ведь все наши прогулки ограничивались садом на заднем дворе приюта. И, может, – вдруг да повезет – увидеть в небе настоящего дракона.

Те двое зажали нас у лавки с кружевом и лентами. Мы остановились там, чтобы полюбоваться на красоту в витри-

нах. Сначала предлагали купить лент или каких-нибудь других безделушек, потом – угостить пирожными с кофе и, в очередной раз получив отказ, просто поволокли вот в такой же переулок. Я орала и брыкалась, но если кто и посмотрел в нашу сторону, вмешиваться не стал. Тогда во мне и проснулась магия – и просто размазала одного об стену, в прямом смысле размазала, в кровавое месиво; увидев это, второй сбежал.

Тогда-то я и решила, что больше никогда не дам себя в обиду. Даром что с тех пор ничего подобного у меня не получалось – не с людьми, упаси боги, – с соломенным чучелом на приютском огороде или старым пнем в саду. Спонтанный выброс магии у необученного подростка, так сказал наставник, которого нанимали специально для тех четверых воспитанников, в ком проснулась магия. Учил он нас, правда, в основном лишь контролировать магические потоки да простейшим бытовым вещам. Те искры, что я пыталась бросить в воришку, были единственным известным мне условно боевым заклинанием.

Так что этого типа – с титулом он там или без – мне об стенку не размазать. Я все же попробовала потянуться к магии – ошарашить на пару мгновений, а там удеру, и охнула, когда он сбил заклинание прежде, чем я успела его собрать.

– Ваше сиятельство, отпустите меня, – попросила я, радуясь, что голос остался ровным и по нему не слышно, как заходится сердце. – Мне нужно идти.

– Упрямая мелочь, – повторил он. – Не знаю, что ты там себе напридумывала, но титула у меня нет. Никаких «сиятельств». Говори мне «ты». И у меня есть имя.

Он улыбнулся, и опять я на несколько мгновений разучилась дышать. Молча покачала головой, не в силах оторвать взгляд от золотых – да что мне опять мерещится! – карих глаз. Облизнула пересохшие губы – кажется, и захоти я сейчас заговорить, не смогла бы произнести ни слова. Только сердце колотилось в горле.

Его взгляд потемнел.

– Тогда будем стоять так и дальше. – В его голосе проскользнула хрипотца. – Я никуда не тороплюсь.

– Родерик, – сдалась я. Прочистила горло. – Родерик... – Имя горошинами раскатилось по языку. – Дай мне уйти.

Он улыбнулся.

– Нет.

Я хватанула ртом воздух – на миг возмущение вытеснило все остальные чувства.

– Но ты обещал!

Он рассмеялся, отстраняясь.

– Вообще-то я ничего не обещал.

Я тихонько выдохнула. Обошлось.

Или, может, я просто возомнила о себе невесть что? В конце концов, с его внешностью и его состоянием он может выбирать среди писанных красавиц. Хорошо одетых, ухоженных, прекрасно образованных: по слухам, и среди дам полу-

света подобные водились. Так зачем ему такая, как я?

– Ты в университет? – спросил Родерик. – Провожу. Нечего тебе одной по улицам шастать.

– Спасибо, я знаю дорогу. – Я поправила на плече сумку и поспешила из переулка.

Теперь, когда между нами появилось пространство, странное наваждение исчезло. И все же я едва удержалась, чтобы опять не потянуться к магии и не треснуть его хорошенько – уже за недавно пережитый страх.

– Я вполне могу дойти сама.

– Ага, я уже видел, как ты сама дошла. Не хочу, чтобы ты опять во что-нибудь вляпалась по дороге.

– Я не собираюсь ни во что вляпываться! – возмутилась я. Как будто я виновата в том, что у меня сдернули сумку! – На вора может нарваться каждый, это просто случайность!

– Случайность, ха! Да ты привлекаешь внимания больше, чем императорский дракон!

– Вовсе нет!

– Вовсе да. Оглянись, половина мужчин на улице шеи вслед за собой посворачивали.

Я выругалась себе под нос. За сегодняшний день меня несколько раз попытались облапать – пару раз успела увернуться, одному «нечаянно» наступила на ногу, второму так же «случайно» заехала локтем под дых.

– Вы преувеличиваете.

– «Ты». Или мне опять зажать тебя в темном переулке,

чтобы ты вспомнила, что я просил обращаться по имени?

Прозвучало это настолько двусмысленно, что меня обдало жаром.

– Думаешь, если ты сильнее...

– Ну вот, видишь, помогло, – перебил он, ухмыляясь. Он тут же стал серьезным. – Сильнее. А еще я мужчина и успел оценить вид с тыла...

В который раз за сегодняшний день я лишилась дара речи, а он продолжал, как ни в чем не бывало:

– ...в штанах. И понимаю, что любой мужлан, привыкший думать не головой, а тем, что болтается между ног...

Кажется, покраснеть еще сильнее было невозможно – и все же у меня получилось. Я разозлилась сама на себя. Можно подумать, к своим восемнадцати я не знала, чем мальчики отличаются от девочек. И не хотела бы знать, просветили бы: не всем нашим девчонкам повезло так, как мне, успели хлебнуть всякого до того, как попали в приют. Так почему этот тип раз за разом вгоняет меня в краску?

– ...воспримет это зрелище как призыв к действию. Поэтому перестань маяться дурью и дай мне тебя проводить.

Ну да, жила-была девочка, сама виновата. Не так посмотрела, не так оделась...

– В сопроводительном письме из университета было сказано, что на боевом факультете форма одежды для любого пола – мужской костюм. И до тех пор, пока не получим униформу, следует носить свой, – огрызнулась я.

До сих пор в этом правиле мне не виделось ничего странного, а сейчас вдруг я задумалась: а на факультете бытовой магии всех рядят в юбки, независимо от пола? Или там парней в принципе нет?

– Сейчас ты не на боевом факультете, – не унимался Родерик. – Сейчас ты в городе. Появляться в городе в штанах позволяют себе только боевые маги и шл... продажные девицы.

На миг мне показалось, что одежда на мне запылает – жаром налились не только щеки, но и шея, и спина, до того самого места, которое Родерик, по его словам, успел оценить. Да сколько же можно! Или он специально меня дразнит?

– Я – боевой маг! – Будущий, но это неважно. – А не продажная девка!

– Я не называл тебя продажной девкой. Но ты и не боевой маг. – Прежде чем я успела возмутиться, он продолжал: – Боевым магом ты станешь, когда получишь диплом. А пока ты – личинка боевого мага. В лучшем случае.

В его словах была доля здравого смысла, и мне пришлось промолчать, как бы ни хотелось огрызнуться.

– И вообще, давай сюда. – Он взялся за ремень моей сумки.

Наученная горьким опытом, я вцепилась в нее мертвой хваткой, и отобрать ее Родерик не сумел.

– Давай сюда, говорю. – Он чуть повысил голос. – Неужели ты думаешь, что я убегу с твоим... твоими кружавчиками?

– Они не мои!

– А чьи?

– Это подарок!

– Раз подарок, значит, теперь твои. Да отдай же ты! – Родерик снова дернул ремень. – Я чувствую себя дураком, с пустыми руками шагая рядом с девушкой, которая тащит тяжесть.

– Она не тяжелая!

– А то я ее в руках не держал! Половину тебя, наверное, весит!

– Ничего не половину!

Он вздохнул.

– До чего же ты упрямая, мелочь. Ладно, будь по-твоему. Неси себе сумку...

Хвала всем богам! Может, он все-таки от меня отстанет?

– А я понесу тебя, – закончил он и прежде, чем я успела ойкнуть, подхватил меня на руки.

– Пусти! – возмутилась я.

От рынка мы отделились, и прохожих стало меньше. Те, кто передвигается пешком, в это время заняты работой, а господа ездят в экипажах или на извозчике. Это мне вот, попался... любитель пеших прогулок, откуда только принесло на мою голову!

Но и редкие прохожие, что встречались на улице, вмешиваться не торопились, как я и предрекала. Еще и улыбались умильно, чтоб их всех!

– Я предупреждал, что чувствую себя глупо, когда девушка рядом несет тяжести. А я терпеть не могу чувствовать себя глупо. Так что выбирай: или я несу твою сумку, или тебя вместе с ней.

Он не сбился ни с шага, ни с дыхания, словно я вообще ничего не весила.

– Да ты издеваешься? – взывала я, снова безуспешно пытаюсь вырваться и одновременно хватая его за шею – а вдруг в самом деле выпустит и я свалюсь?

– Нет, взываю к здравому смыслу. Надеюсь, ты знаешь, что это такое.

– Я-то знаю, а ты – нет!

– По-моему, как раз наоборот.

Я вдруг поняла, что обнимаю его за шею, прижимаясь щекой к груди. Охнула и сжалась, замерев. Исчезли все звуки, кроме стука его – или моего собственного? – сердца.

– Отпусти... пожалуйста, – прошептала я.

Родерик осторожно поставил меня на землю, поддержал за талию, давая возможность перевести дух, и убрал ладонь, едва я утвердилась на ногах.

– Спасибо, – пролепетала я.

Он улыбнулся, протягивая руку. Смирившись с неизбежным, я сняла с плеча ремень, позволила Родерику забрать мою сумку.

– Пойдем, – сказал он и двинулся прочь.

Пришлось идти следом, старательно изображая невозму-

тимость, даром что про себя я успела помянуть недобрым словом всю его родню, сколько бы ее ни было, до седьмого колена. Наглый, самовлюбленный, упрямый... Привык, что все будет по его, и плевать, что у людей могут быть другие планы! Себя, впрочем, тоже обругать не забыла: обычно я за словом в карман не лезу, да и врезать могу; как ни старались взрослые, углядеть за почти сотней разновозрастных детишек у них получалось далеко не всегда. А тут вдруг ве-ду себя точно трепетная барышня какая-то, осталось только чувств лишиться.

Я сбилась с мысли, обнаружив, что Родерик свернул на соседнюю улицу. Пришлось схватить его за рукав.

– Университет там! – возмутилась я, указывая в сторону, откуда мы только что повернули.

– Да, – ничуть не смутился Родерик. – Погуляем немного.

Я – в который раз – лишилась дара речи от возмущения, а он, словно ничего не заметив, продолжал:

– Готов поспорить, за всю жизнь ты столицу толком и не видела. Посмотришь хоть, начнешь учиться – не до того будет.

Столицу я в самом деле не видела, можно считать, что и никогда, даром что здесь выросла, потому и не пошла прямиком в университет, а отправилась бродить по городу... себе на голову. Но дух противоречия, что вечно просыпался во мне не вовремя, заставил возмутиться:

– Я же не деревенщина какая!

Он рассмеялся, и мне снова стало неловко под его взглядом: так смотрят на котенка, который пытается взобраться по штанам. Вот сейчас наклонится, подхватит под пузико и почесет за ушком.

Да что за дурь в голову лезет!

Оказывается, он что-то говорил.

– Вряд ли вас из приюта выпускали гулять...

– Откуда ты знаешь, что я из приюта? – торопливо перебила я, лишь бы не думать всякие глупости.

– Ты не знаешь своих родственников. Значит, сирота. Но выросла не на улице. Уличная девчонка на твоём месте уже попыталась бы предложить, м-м-м... свои услуги...

Я не сразу поняла, о каких услугах он говорит, а когда поняла, вспыхнула и попыталась вырвать у него из рук сумку и уйти. Он отступил на полшага и сказал, словно не заметив:

– Или заманить в темный переулок и пырнуть в спину.

– Это всегда пожалуйста!

Родерик снова рассмеялся и снова не стал отвечать, продолжая свою мысль:

– Манера держаться и говорить. Ты росла в хорошем месте, где всерьёз занимались твоим воспитанием. Но вряд ли в приёмной семье: и имя бы дали попроще, и фамилия... Ты ведь сама её придумала?

Глава 4

Я кивнула.

– Придумала. И очень удивилась, когда ты сказал про дальних родичей императора из другой страны.

Родерик улыбнулся.

– Я так и подумал. Конечно, порой и родные родители детям такие имена дают, что бедняги всю жизнь с ними маются, но в приюте вероятность такого выше. – Он осекся. – Извини, я вовсе не хотел сказать, будто у тебя плохое имя. Просто иностранное. Оно тебе очень идет.

Я фыркнула – и это про него я несколько минут назад думала, что сыплет комплиментами направо и налево? Слабовато получается при такой-то практике. Я честно попыталась соорудить суровое лицо, чтобы показать: его лесть на меня не действует. Но Родерик снова улыбнулся, и я против собственной воли расплылась в ответной улыбке.

– Друзья зовут тебя Нори? – спросил он.

Я кивнула.

– Нори. – Он словно попробовал мое имя на вкус, и от низких рокочущих ноток в его голосе по коже пробежали мурашки.

Надо было сказать, что мы-то с ним не друзья и вряд ли ими станем, но у меня язык не повернулся. В прямом смысле.

– А насчет фамилии... – продолжал Родерик. – Наверняка прочитала где-то и забыла, а потом само вспомнилось.

Я кивнула: в совпадение верилось слабо, скорее всего, действительно собственная память надо мной подшутила. Да и пусть. Мало кто из настоящих высокородных перепутает меня с девушкой из своего круга, а среди равных мне мало кто интересуется знатными домами соседних стран.

– Откуда ты знаешь, что я умею читать? – спохватилась я.

Все в том же сопроводительном письме, что прилагалось к приказу о зачислении, говорилось, что, если я не знаю грамоты, первый год после поступления я буду заниматься чтением и чистописанием, а также «некоторыми общеобразовательными предметами», – так что не все студенты были грамотны. Правда, я так и не поняла: каким образом я должна была бы узнать, о чем было написано в памятке, если бы не умела читать?

– А как бы ты прочитала про форму одежды? – усмехнулся он.

Вот ведь... мысли сходятся. Хорошо, что на самом деле читать их никто не способен.

– Наконец, университет, – закончил Родерик. – Программа поддержки одаренных магией детей изначально была рассчитана, конечно, не только на приюты. Но так получилось, что среди содержателей приютов о ней знают все, а простым людям рассказать некому. – Он добавил медленно, будто размышляя сам с собой: – Конечно, плохо, что за столько лет

ситуация так и не изменилась, но, кажется, у знати свой мир.

Это точно. У него свой мир, у меня свой, и они не перемешиваются, как вода и масло.

Думать об этом оказалось неожиданно больно, и, чтобы прогнать неприятные мысли, я фыркнула:

– Может, я любопытна и умна не по годам, вот и узнала!

– В самом деле? – усмехнулся он.

С ответной колкостью я не нашлась, так что просто спросила:

– Ты-то откуда все это знаешь? В смысле про программу поддержки, как ты ее назвал. Сам-то явно не за счет короны учился.

Он рассмеялся.

– Именно за счет короны.

– Не верю. Наверняка и насчет того, что титула у тебя нет... – Я замялась, подбирая к слову «наврал» синоним помягче.

Но Родерик понял. Что-то промелькнуло в его лице такое... словно ему неприятно было говорить об этом. Пожал плечами:

– Зачем бы мне врать?

Хороший вопрос. Но прежде, чем я успела всерьез над ним задуматься, Родерик добавил:

– Показать тебе зверинец? Здесь недалеко.

Я огляделась. В самом деле недалеко. Заболталась с ним и сама не заметила, как мы очутились в центре города. Я здесь

была всего один раз.

– Я видела зверинец.

Как раз тогда и был тот единственный раз, когда я оказалась в центре столицы. В книгах я читала, что когда-то по всей столице – если не считать дворцовой площади, конечно, – дома плотно друг к другу примыкали и на узких улочках всегда было темно. Но когда во времена третьего императора-дракона изначальные твари разрушили столицу, на развалинах старого города выстроили новый. И теперь в центре почти не было жилых домов, только разнообразные общественные учреждения и дорогие лавки, а широкие и чистые улицы казались полупустыми, хотя людей на самом деле было куда больше, чем в том квартале, откуда мы только что вышли.

– В самом деле видела? – поинтересовался Родерик. – Давно?

– Года два назад. Нас сюда водил преподаватель общественных наук. Было интересно.

Правда, бедняга так много рассказывал, что к концу экскурсии почти охрип и наверняка обзавелся парой лишних седых волос, когда Мик и Мак, неугомонные близнецы, захотели погладить тигра и уже почти пробрались за ограждение.

Потом Мак оставил мне фингал под глазом за то, что именно я сдернула его магией с вершины решетки, но я расквасила ему нос, так что мы остались квиты. Мик в драку не

полез, чтобы «все было честно», – а я не пользовалась магией из тех же соображений.

На миг мне стало грустно: впереди, конечно, новая интересная жизнь, но все мои друзья остались в старой.

– Два года... – задумчиво проговорил Родерик. – Бамбуковых медведей ты видела? Их подарил нашему императору император Кефраса вроде бы недавно, но могу путать.

И после этого он будет настаивать, будто не имеет титула? Пусть скажет еще, что он дворцовый уборщик, поэтому знает про все эти императорские подарки.

Настроение упало еще сильнее.

– Видела, – соврала я.

Приду одна и посмотрю. Если найдется на что: вход в зверинец был платным и недешевым, я помню, как привратник сосчитал нас по головам, а потом пересчитывал монеты: пожалуй, тогда я впервые в жизни видела столько денег. Впрочем, где бы мне было их видеть? Я и в руках-то их не держала никогда, подъемные были моими первыми в жизни собственными деньгами, и только понимание, что я не знаю, на сколько придется их растягивать, не позволило мне потратить все и разом.

Но как бы бедна я ни была, платить за себя случайному знакомому не позволю.

– Ладно, тогда пойдем в Летний сад. – Родерик подхватил меня под локоть и повел к воротам в кованой ограде. – Туда привозят растения со всего мира, – продолжал он.

– С ума сошел? – зашипела я, упираясь в брусчатку ногами, будто собака, которую тащат за ошейник. – Меня туда не пустят!

– Почему? – изумился Родерик.

– Там привратник.

– Он там для красоты.

Для красоты, ага. Это тебе все привратники кланяются, а за мной сегодня в лавке хозяин по пятам ходил, как бы не украла чего.

– Говорят, принцесса любит гулять в Летнем саду. Что мне там делать?

– Гулять, – пожал плечами он. – Чем ты хуже принцессы?

– Ты издеваешься или правда не понимаешь?

– Она сама по себе, мы – сами по себе. Единственное, что здесь меняется, когда в парк приходит принцесса, – вместо привратника встает стража, и под каждым кустом торчит голова охранника.

Я представила себе торчащие под кустами, будто грибы, головы охранников и невольно хихикнула. Но хорошего настроения хватило ненадолго, страх тут же вернулся.

– Меня погонят оттуда!

– С чего бы? Вон ее же не гонят! – Он указал на нищенку, сидевшую у ограды в паре ярдов от ворот. – А ты даже не попрошайничаешь. К слову...

Он снял с пояса кошелек, достал оттуда монетку, бросил женщине.

– Да благословят вас пресветлые боги за милость, ваше сиятельство! – запричитала она, ловя медяк. – Пусть даруют они вам...

Родерик, не дослушивая, подхватил меня под локоть, повлек к воротам. Очень хотелось вырваться и сбежать, но у него по-прежнему оставались мои вещи, и пришлось шагать следом. Тем более в самом деле хотелось хоть одним глазком взглянуть на место, где любит гулять принцесса.

Родерик был прав: никто не собирался меня прогонять, по крайней мере пока я держалась за его локоть. И сад действительно был прекрасен. Попади я сюда с ребятами из приюта или даже госпожой Кассией – без усталости вертела бы головой по сторонам, разглядывая и запоминая. Ведь будет же у меня когда-нибудь собственный дом, совсем собственный? И садик в нем будет. С розами и пионами. И сиренью.

Здесь, конечно, пионы давно уже отцвели, а сирени и вовсе не было видно – чересчур простая, поди, для знатных господ. Роз, правда, хватало.

Но стоило немного отойти от входа, как аккуратные клумбы сменились россыпями камней, меж которыми росли словно бы дикие травы. Лишь обилие цветов и их оттенки давали понять, что сочетания этих якобы диких растений тщательно продуманы, чтобы услаждать глаз. Ни одно из них я не узнавала, и немудрено: судя по табличкам рядом с клумбами, привезены эти цветы были вовсе из несусветной дали. И не поленились же!

В другое время я бегала бы от одной таблички к другой, читая и удивляясь, но сейчас только цеплялась за локоть Родерика, старательно не поднимая глаз. Несмотря на жаркий полдень, здесь было прохладно. Ветви деревьев смыкались над дорожками, укрывая гуляющих от солнца, и потому людей хватало: в самом деле, приятнее укрыться от жары среди этой красоты, чем за закрытыми ставнями.

На нас глазели. Глазели все то время, что мы бродили по этим аллеям, усаженным нездешними цветами. На Родерика – с понимающей ухмылкой, на меня – брезгливо или с жалостью.

Рядом с разряженными дамами и блестящими кавалерами, дефилирующими по этим аллеям, я никак не могла забыть, что ботинки на мне латаные, а штаны с чужого плеча, в смысле ношенные до меня. Дети растут быстро, и до сих пор я не видела ничего плохого в том, что не вся одежда, которую нам выдавали, была новой, – главное, что она была чистой и крепкой. А сейчас я чувствовала себя той нищенкой у ворот, но если она смирилась со своим положением, я мириться не хотела.

Я выпрямила спину. Да, сейчас никто из этих высокородных зазнаек не пустит меня дальше прихожей. Да, у меня никогда не будет титула. Но у меня есть магия и будет диплом, а в корпусе боевых магов все зависит от того, на что ты способен, а не кем повезло родиться. Изначальные твари и прочая нечисть родословной не разбирает, на их вкус все

одинаковы.

Аллея закончилась, деревья расступились, открывая искрящийся радугой фонтан.

Ветер качнул ветки, рассыпал на брызги струю фонтана, обдав нас каплями прежде, чем я успела выставить щит. Родерик даже не попытался потянуться к магии. Смахнул капли с куртки, тряхнул волосами, в которых сейчас тоже заиграли разноцветные искры от попавшей воды. Рассмеялся – открыто и весело, не над чем-то, просто радуясь жизни. До чего же он был хорош сейчас!

Сердце зашло, я прокусила губу, часто моргая. Он был плотью от плоти этого места. Я – словно из другого мира.

В чем больше гордыни: решить, будто богатый и знатный красавец мной увлекся, или в том, чтобы поверить, будто он в самом деле отнесся ко мне как к равной?

Фигура Родерика заслонила фонтан.

– Нори?

– Все хорошо. – Я принужденно улыбнулась, уткнувшись взглядом в амулет на его груди. Амулет, на который, наверное, можно было купить весь наш приют.

– Нори, посмотри на меня.

Я уставилась на его шею.

– Что случилось? – Он приподнял пальцами мой подбородок, заглядывая в лицо.

– Ничего. – Я все же смогла выговорить это небрежно и посмотреть ему в глаза.

– Не ври. В тебе будто свет погас.

Вот же... внимательный, зараза.

– Ничего не случилось, правда, – повторила я. – Устала немного.

Он улыбнулся, провел кончиками пальцев по моей щеке. Не знаю, каким чудом я не разревелась прямо там.

– Я совсем тебя заболтал. С утра по городу бродишь? Наверное, еще и голодная.

Я помотала головой – в горле, казалось, намертво встал ком.

– Не верю, – улыбнулся он. Глянул на солнце. – Рестораны еще не открылись. Пойдем хотя бы кофе попьем с пирожными.

Глава 5

Кофе с пирожными. Те двое несколько лет назад тоже предлагали кофе с пирожными. Только сейчас яства будут дороже, вот и вся разница.

Мне не хотелось верить, что, получив отказ, Родерик тоже попытается действовать силой. В конце концов, он мог бы так поступить еще в том переулке. Да и зачем бы ему: я откажу, другая позволит. Но все равно стало тошно.

– Надо было тебе сразу сказать, что устала. – Родерик снова подхватил меня под локоть, увлекая к выходу. – Что это за прогулка, если ноги не несут.

– Нет, здесь красиво, – улыбнулась я, и от этой улыбки заныли скулы. – И я не хочу есть, правда.

– Боевому магу нужны силы, – наставительно сказал Родерик. – Так что не спорь.

– Но...

– Никаких «но». Или мне опять понести тебя на руках?

Я замотала головой так старательно, что на миг самой показалось – она сейчас оторвется. Не буду я никакого кофе. Не станет же он силком вливать его в меня и впихивать пирожные, в самом деле.

Дойдем сейчас до ворот университета, на том и распрощаемся. Для студента он слишком взрослый, для преподавателя слишком молодой, так что случайная встреча останется

случайной встречей. Оно и к лучшему.

К лучшему, я сказала, все равно мне об учебе надо будет думать.

Мы вышли к ограде, и при виде нас нищенка снова начала расхваливать щедрость «вашего сиятельства». Родерик поморщился, прибавляя шаг.

– Госпожа, для вас у меня тоже предсказание найдется, – сказала вдруг нищенка. – Только оно не для мужских ушей.

Родерик усмехнулся.

– Послушаешь?

Я пожала плечами. Хотя... вот и повод забрать у него сумку, а там я просто удеру. Такие, как он, за девчонками не бегают.

– Да. Только... – Я потянулась к ремню, висевшему у него через плечо, но Родерик перехватил мою руку.

– Не сори деньгами, пригодятся еще. Вот, отдай ей.

В мою ладонь легла теплая монетка.

Я шагнула к нищенке на ватных ногах. Сама не знаю, чего испугалась. Может быть, напоминания о той судьбе, что чудом обошла меня стороной.

От нищенки несло, и пришлось задержать дыхание. Я протянула монетку, уже пожалев, что все это затеяла. Костлявые пальцы с обломанными ногтями сомкнулись на моем запястье.

– Беги, девочка, – еле слышно произнесла она. – Он потешится неделю, а тебе всю жизнь слезы лить. Беги, если не

хочешь кончить, как я.

Я вздрогнула, вырывая руку, монетка упала в грязный подол. А ведь она не старая совсем, хоть лицо и избороздили морщины. Волосы, что издалека выглядели седыми, вблизи оказались пепельно-белыми, как у меня. Серыми их делала грязь и колтуны.

– Спасибо за предсказание. – Я постаралась, чтобы голос прозвучал легко, чтобы мой спутник ничего не понял. – Я запомню его.

Но когда я развернулась к Родерику, на лицо его словно легла тень. Слышал? Да нет, не должен, я-то еле расслышала, хотя стояла совсем рядом, а он оставался в нескольких ярдах.

Он подставил мне локоть, но вместо того, чтобы взяться за него, я опустила голову и сказала:

– Извини, я... Я пойду. Мне еще устраиваться на новом месте.

Глаза жгло и не хватало дыхания.

– А кофе? А пирожные?

– Как-нибудь в другой раз. Правда, спасибо за все. Я...

Он потянулся ко мне, я отшатнулась. Если он сейчас коснется меня – точно разревусь.

Родерик отдернул руку, словно обжегшись. Смерил меня внимательным взглядом.

– Не хочешь – как хочешь, было бы предложено.

От внезапного холода в его голосе у меня внутри тоже все смерзлось. Да что со мной такое? Радоваться надо, что этот

тип потерял ко мне интерес!

– Пойдем, я обещал тебя проводить до университета.

– Я сама найду дорогу.

– Это мы уже обсудили, Лианор.

Лианор. Больше не Нори.

Он размашистым шагом двинулся по улице, и мне пришлось торопиться изо всех сил. Впрочем, через полсотни ярдов Родерик замедлил шаг, подстраиваясь под мой. Молча и не оглянувшись. Я тоже молчала. Но всю дорогу до университета я надеялась, что он заговорит, спросит еще раз, что случилось. Он так и не спросил.

Остановился у кованых ворот, очень похожих на ворота Летнего сада.

– Ты уже была здесь?

– Нет, но у меня есть памятка.

– Сперва к коменданту. Он в основном здании, пойдешь прямо по аллее, никуда не сворачивая, пока не упруешься в него. От входа налево, последняя дверь. Дальше он скажет, что делать.

– Да. Спасибо. – Я заставила себя поднять взгляд. – И за прогулку спасибо. И... за все. Прощайте, ваше сиятельство.

Он коротко, издевательски-изящно поклонился. Пришлось и мне изобразить реверанс – то еще зрелище, наверное, в брюках. Вскинула на плечо сумку – в самом деле тяжелая, зараза. Ничего, скоро сброшу.

– До свидания, Нори, – донеслось мне вслед так тихо, что

я сама не знала, действительно ли это услышала. – Так просто ты от меня не...

– Родерик! – послышался восторженный женский визг. – До чего же я рада тебя видеть!

– Оливия!

Я не выдержала, оглянулась. Родерик, смеясь, подхватил за талию девушку с русыми кудряшками, закружил вокруг себя.

– Совсем обнаглел, носа не кажешь! Я скучала, между прочим! – воскликнула она, снова утвердившись на земле. Поправила атласные юбки, тряхнула головой, отбрасывая с лица кудряшки. Блеснули камни в сережках.

Я развернулась и зашагала прочь, вбивая ноги в землю так, словно хотела топотом заглушить их разговор. Только не слышать все равно не получалось.

– Дела. Ты поступила, значит?

– Да, на целителя. Так что будем пересекаться. – Ее голос чуть потускнел. – Если не вылечу, конечно.

– Переведешься, если что. На естествознание. Или международный...

– Ты еще на бытовой предложи, – хихикнула девушка.

Я сморгнула слезы, заставив себя вздохнуть поглубже. Вот и все. Вот и пусть любезничает с этой Оливией, или как там ее, для которой международный факультет, откуда выходят будущие послы, недостаточно хорош. А у меня своих забот хватает.

Стоп! Пересекаться?!

Нет, не стану думать об этом. В конце концов, выбора у меня все равно нет: не отказываться же от такого шанса только потому, что рядом будет отираться один нахальный и самоуверенный тип? Если я хоть что-то понимаю в людях, среди студентов добрая половина окажется нахальными и самоуверенными, а уж на боевом факультете как бы не все. А потому хватит думать о всяких глупостях, пора делом заняться, и без того полдня прогуляла.

Университет занимал целый квартал, если не больше, но с ходу понять, насколько велика территория, не получалось. Густой парк прорезали узкие аллеи, в глубине их, среди деревьев, едва виднелись здания. Тут и там на скамейках оживленно болтали студенты, парни и девушки вперемешку. Все в одинаковых серо-коричневых мундирах, на первый взгляд почти неотличимые друг от друга.

Но стоило приглядеться повнимательней, как разница становилась очевидной. У кого-то вытертые до блеска рукава из грубой шерсти и заплатки на локтях, у кого-то белая блузка под мундиром отликает благородным шелковым блеском, а юбка ложится тяжелыми складками, выдавая дороговизну ткани. Где-то единственное украшение – атласная лента в волосах, где-то блестят перстни на пальцах.

Шелков больше, чем заплаток, намного больше: среди старшекурсников плохо одетых я не заметила вообще. То ли те, у кого денег в обрез, до диплома не дотягивают, то ли на-

чинают зарабатывать. Хотелось, конечно, верить в лучшее.

И еще шелка и заплатки не смешиваются. Разношенные ботинки на одной скамейке, изящные туфельки из дорогой кожи – на другой. Исключением мне показалась только одна компания, где вокруг двух девушек, одной в потрепанных понизу штанах, второй – в шелковой блузке под мундиром, столпилось полдюжины парней.

Я невольно замедлила шаг, разглядывая их. Девушки как девушки, года на четыре старше меня. У той, что в шелках, уши проколоты, но серег нет, хотя устав университета их не запрещал, оговаривая только, что украшения не должны быть крупными.

Неужели на боевом все проще? Или просто эта девушка – исключение? Вроде госпожи Кассии, которая просила, чтобы приютские воспитанники называли ее «госпожой», а не «сиятельством», и говорила с нами как с равными – делая поправку на возраст, разумеется.

Я встретила взглядом с той, что в потрепанных штанах. Она улыбнулась и кивнула мне как старой знакомой, пришлось улыбнуться и кивнуть в ответ, хотя я совершенно точно ее не знала. Такую, раз увидев, не забудешь: копна черных кудрявых волос, явно не желающих укладываться ни в какую прическу, в сочетании с голубыми глазами и светлой кожей, хоть и подпорченной загаром.

– Похоже, нашего полку прибыло, – сказала она, и все, кто был рядом с ней, уставились на меня. – Боевой?

– Да.

– Не дрейфь, подруга, прорвешься. Кастелян там. – Она указала большим пальцем за плечо. – Главное здание, направо от входа, последняя дверь. Дальше сама разберешься, не обессудь: у нас те, кого с ложечки нужно кормить, надолго не задерживаются.

– К целителям уходят, – хмыкнул рыжий парень.

– Спасибо, – кивнула я, отметив, что представляться ни она, ни остальные не торопились. Хотя... выпускной курс наверняка, что им за интерес с первогодкой возиться?

– Не обессудь, – повторила она. – Первую сессию сдашь, тогда будет о чем с тобой говорить, а пока ты – так... – Она обернулась к парню. – А ты на людей не наговаривай. Род тебя и сейчас сделает.

Парень скривился, но спорить не стал.

– Сдам, – заверила я темноволосую. – Целители как-нибудь без меня обойдутся.

Сдам, просто потому что деваться мне будет некуда. Из приюта меня выпустили, обратно не возьмут. И без того позволили пожить целое лето до того, как университет начнет принимать новых первокурсников, несмотря на то что я уже была слишком взрослой. У низшего сословия совершеннолетие с семнадцати, а раз взрослый – живи сам как знаешь. Хотя надо отдать должное нашим воспитателям: все воспитанники выходили из стен приюта, умея что-то делать; почти всем и работу находили. Не у всех, правда, получалось не

скатиться обратно на улицу, но это уже не от воспитателей зависело.

Только я и тут оказалась не как все: из-за магии, кроме университета, у меня дороги не было. Вылечу – заблокируют, якобы чтобы себе не навредила, а на самом деле просто потому, что простолюдинке ее иметь не положено. И крутись как знаешь. Так что или диплом, или улица.

Привратника в главном здании не оказалось. Я толкнула тяжелую, в завитушках, дверь и едва не оглохла от гвалта. У огромной доски прямо напротив двери столпились студенты. Пришлось подпрыгнуть, чтобы поверх чужих голов разглядеть прикнопленные к доске листы.

– В первый же день три пары! – проворчал над моим ухом парень. – С места в карьер!

Я не знала, много это или мало: три пары. Еще раз окинув взглядом толпу, поняла, что отсюда ничего не увижу, надо проталкиваться к самой доске. Вернусь после того, как поговорю с кастеляном и буду знать, что делать дальше.

Значит, до конца коридора.

У двери с надписью «кастелян» переминались с ноги на ногу девушка и парень, словно весь состоящий из острых углов. Не кормят его знатные родичи, что ли? Под испытующим взглядом двух пар глаз я вспомнила каждую трещинку на коже ботинок. Разозлилась на себя – сколько ж можно стыдиться, до сих пор меня вообще не беспокоила собственная бедность! Встала у стены, неподалеку от этих двоих.

Из кабинета кастеляна вышла девушка, держа в руках объемный мешок. Та, что стояла в коридоре, исчезла в кабинете.

– Когда уже снова перестанут в университет всякую шваль пускать? – протянул якобы в пространство парень.

Глава 6

В памятке, что мне дали, было отдельно указано, что среди студентов титулы и звания не имеют значения и все должны обращаться друг к другу на «ты». Конечно, это правило ввели не ради престопа: на самом деле таких, как я, немного, обычно магический дар неотъемлем от дворянства. То ли потому что передается с кровью, то ли просто низшее сословие некому учить. Среди сотни воспитанников приюта нас, магов, было всего лишь четверо – и то потому, что нашлось кому вовремя заметить дар.

Но и среди знати своя иерархия. Из тех, кто щеголял заплатами, наверняка большинство – нетитулованные дворяне без состояния. Любому из них какой-нибудь сын герцога мог устроить веселую жизнь, просто потому что мог. Что бы там ни пели про честь, вежливость и подобающее обращение, там, где есть возможность отыгаться на слабом, найдутся и те, кто это сделает.

Наверное, подобные склоки мешали «организации учебного процесса», потому и объявили всех равными. Но кто-то все равно будет равнее.

Я устала в пространство перед собой. Глупо затевать ссору, еще даже не бросив вещи в своей комнате. Еще глупее вестись на провокации – а этот остроугольный меня явно провоцировал.

Магические поединки среди студентов запрещены: если о подобном будет известно, исключат всех участников, включая секундантов.

И будто одного угластого было мало, из толпы у доски с расписанием вывинтились знакомые мне русые кудряшки. Я мысленно выругалась. Наставник твердил, что главное умение мага – самообладание, и чем большая сила тебе дана, тем важнее держать себя в руках. Не знаю, насколько велика дарованная мне пресветлыми богами сила, но, кажется, возможностей потренировать умение держать себя в руках в университете будет достаточно.

– Оливия! – Парень мигом забыл обо мне. – Какая встреча!

– Рада вас видеть, Бенедикт, – улыбнулась она.

Если бы мне сказали, что рады видеть, с такой ледяной улыбкой, я бы решила, что разговаривать нам больше не о чем; но то ли у знати другие манеры, то ли угловатому было наплевать.

– Значит, вы не передумали? Будете учиться на целителя?

– Почему я должна была передумать?

– Не понимаю. С вашей красотой, умом и титулом вы бы сделали себе имя в международных отношениях. Что за удовольствие возиться с чужими соплями?

Насчет внешности он, пожалуй, преувеличил. Я исподтишка глянула на Оливию. Ничего примечательного: осанка, будто жердь проглотила, кудряшки неопределенного мыши-

ного цвета...

Впрочем, нет. Если посмотреть беспристрастным взглядом, Оливия не была некрасивой. Она просто не хотела сделать себя красивой. Правильные черты лица, изящная фигура. Приподними она волосы на затылке, показывая стройную и длинную шею, надень белую форменную блузку не молочного, а голубоватого оттенка, подчеркивая белизну кожи; поддерни рукава, показывая изящные запястья, еще пара мелочей – и она была бы красивой. Только, кажется, подобная ерунда ее вовсе не волновала. Да и зачем, и без того...

Я прогнала воспоминание о том, как Родерик позволил ей повиснуть на себе. Вот уж его она приветствовала совсем не так, как угловатого. Выругалась про себя. До сих пор я не считала себя душой – но сейчас мыслила как полная дура.

– Это именно то, чем мне хочется заниматься, – сказала Оливия.

Кого-то она мне напоминала. Манерой держаться, умением безукоризненно вежливо обдать холодом. Но кого именно – хоть убей, не вспомнить.

– Я вовсе не имел в виду... – заблеял угловатый.

Дверь открылась, выпуская девушку, и он радостно обратился к Оливии:

– Проходите.

– Нет, очередь есть очередь, – покачала она головой.

– Дамы вперед.

– Я не единственная барышня здесь.

– О чем вы? – удивился угловатый. Вспомнил о моем существовании и ухмыльнулся. – Вы об этой, что ли? Какая ж это барышня? Эй, ты, – это уже мне, – отодвинься, от тебя воняет навозом!

Оливия, едва заметно скривившись, посмотрела на меня. Я не шелохнулась.

– Ты глухая, что ли? – не унимался угловатый.

– Лучше пахнуть навозом, чем падалью, – не удержалась я.

Легко говорить, мол, будь выше, тем, кому самому до обидчиков можно не снисходить – только слугам знак дай, и те уж отделают по первое число. А если я сама за себя не постою – никто не поможет.

– Ах, ты...

– Бенедикт, – ледяным тоном перебила его Оливия. – Избавьте нас от своего общества.

Угловатый изумленно моргнул, и она добавила:

– Ваша очередь к кастеляну. Не задерживайтесь.

– Графиня, я не хотел вас...

– Меня вы не оскорбили. – Она отвернулась от Бенедикта. Улыбнулась мне, и я на миг потеряла дар речи. – Извините, мы не представлены...

– Лианор. – Я присела в реверансе, одновременно пытаюсь переварить услышанное. «Извините»? Графиня говорит мне «извините»?

– Я Оливия, как вы... прости, я еще не привыкла к обра-

щению по уставу. Как ты уже наверняка поняла, – ответила она мне с коротким поклоном. – Лианор, раз уж барон столь вежлив, что пропускает барышень вперед... Сделай одолжение... – Она жестом указала на дверь.

– Благодарю, – не стала спорить я, все еще слишком ошарашенная.

Нет, конечно, была госпожа Кассия...

Додумать я не успела, шагнула за дверь прежде, чем побагровевший угловатый разинул рот, и закрыла ее за собой. Жаль, что я не увижу, как Оливия отбреет этого типа, но кое-что лучше в самом деле не видеть.

Вотчина кастеляна выглядела просторной и светлой. Не пахло ни пылью, ни затхлостью, лишь стеллажи, заполненные вещами, напоминали, что мы в кладовке.

– Копию приказа. Грамоту. – Седой мужчина даже глаз не оторвал от пухлой тетради, лежавшей передо мной на столе.

Откуда у меня дворянская грамота? В следующий миг, сообразив, я молча протянула ему грамоту на жительство. Он пододвинул к себе список, и я похолодела, увидев напротив пары имен – и своего имени – восклицательный знак. Иногда умение читать вверх ногами вовсе лишнее.

– К декану боевого. – Кастелян вернул мне мою грамоту.

– А вещи и...

– Декан боевого факультета велел, чтобы, как ты появишься, сразу шла к нему. Вернешься, как побеседуешь с ним, тогда и получишь все, что причитается.

Прозвучало это до того зловеще, что я не стала спрашивать, где мне найти декана боевого факультета.

Не чуя под собой ног, я вылетела из здания, опомнившись только на улице. Заглянула в памятку. Декан боевого факультета граф Теодор Рейт. Еще один высокородный зазнайка на мою голову? Впрочем, чего я ожидала?

Нет, я не стану гадать, что ему от меня нужно. Поговорю – узнаю, а пока незачем накручивать себя.

Мне не нужно было сверяться с картой, чтобы узнать, где здание боевого факультета, – еще вчера едва до дыр ее не протерла, выискивая нужное строение. Международники, целители, факультет землемеров и погодников, факультет естественных наук, алхимики...

Алхимический факультет стоял на самом краю парка в отдалении от всех остальных зданий, точно архитектор опасался, как бы алхимики ненароком не взорвали чего, зацепив заодно и соседей. Но факультет боевиков на карте отделял от алхимиков просторный пустырь. Словно своеобразная буферная зона.

Назначение этого пустыря я поняла только сейчас, и был он вовсе не пустым. Над живой изгородью разноцветными куполами переливались щиты. Два парня лениво перебрасывались огненным шаром. Еще один подтягивался на турнике, и я покраснела, когда поняла, что замедлила шаг, разглядывая, как играют мышцы под прилипшей к широкой спине рубашке. Полоса препятствий пустовала, зато на просторном

газоне сидели и лежали студенты. Если в университетском парке парней и девушек было примерно поровну, то здесь девчонок почти не было видно.

Я замедлила шаг. Шелковистая на вид трава так и манила развалиться на ней с книгой или просто уставившись в высокое небо; тем более что я за сегодня успела находиться вдоволь. Пришлось мысленно себя одернуть: потом буду валяться. Толкнула очередную тяжеленную дверь.

Здесь тоже прямо напротив двери висела доска с прикрепленными листами, правда, народа около нее оказалось куда меньше. Видимо, многие пришли в главное здание не только за расписанием, но и чтобы увидеть знакомых с других факультетов, послушать разговоры.

Я поймала за рукав парня на пару лет старше меня.

– Простите, где я могу найти декана?

– Не по уставу, студентка. – Он зыркнул серыми глазищами, оглядывая меня с головы до ног.

Что опять я сделала не так?

– Прошу прощения?

– Нечего мне «выкать». А декан на третьем этаже, кабинет справа от лестницы. Там табличка, не ошибешься.

– Спасибо. – Я двинулась к лестнице.

– Ничего задница, – донеслось вслед.

– Простите? – Я развернулась.

Сумка качнулась от резкого движения, слетела с моего плеча, устремляясь нахалу в живот, но тот отступил плавным

текучим движением и рассмеялся.

– Хорошая попытка, но практики маловато.

– Кажется, мне ее тут с лихвой обеспечат, – проворчала я.

Злиться на него не хотелось: эта короткая стычка на несколько мгновений позволила мне забыть о предстоящем разговоре с деканом.

Парень снова рассмеялся.

– Боевики – ребята простые, что на уме, то и на языке. Хочешь другого обращения – иди к международникам, они тебя ядом обольют тонко и изысканно.

– Спасибо за совет, – не осталась в долгу я. – Но если отсюда попрут, лучше подамся к алхимикам, яды у них покрепче будет.

– Да у тебя, кажется, и своего хватит. – Он махнул рукой. – Беги, Рейт ждать не любит.

Спрашивать, как он понял, что декан меня ищет, я не стала. Вряд ли кто-то из студентов ходит к руководству по собственной инициативе.

Внутри снова захолонуло, и после каких-то шести лестничных пролетов сердце билось так, словно я взобралась на верхушку высоченной башни. Я постучалась, успев заметить, что табличка на двери в кабинет декана совсем простая – ни витиеватого шрифта, ни магических плетений, расцвечивающих надпись. И даже имени с титулом нет, просто «декан» и все.

– Войдите.

Я толкнула дверь.

Свет из окна очертил мужской силуэт. Широкие плечи, гордая осанка.

– Ваше сиятельство...

Он обернулся, луч солнца упал на лицо, осветив... половины лица просто не было – один сплошной рубец, кажется, от ожога. Глаза на этой половине тоже не было, как и повязки, лишь шрамы, склеившие веки.

– Не по уставу, студентка, – сказал он, шагая к столу. Что-то скрипнуло.

– Прошу прощения, господин декан. Я – Лианор Орнелас. Вызывали?

Если на первый взгляд я дала бы ему лет пятьдесят – из-за проседи в волосах и морщин на здоровой половине лица, – то сейчас, когда он, прихрамывая, двинулся к столу, скостила десяток лет. Несмотря на хромоту, двигался он легко и уверенно.

– Вызывал, – кивнул Рейт.

Вдруг провел пальцами там, где должно было быть веко, движение выглядело привычным, словно он повторял его бесчисленное количество раз. Интересно, почему он не свел шрамы? Магия это может. Хотя, если глаз потерян, новый все равно не вырастет...

– Нравится? – вдруг резко спросил он. – Вот в это превратится твое хорошенькое личико рано или поздно. Если до того к праотцам не отправят.

– Я намерена дожить до тех лет, когда оно в любом случае перестанет быть хорошеньким, – пожала плечами я.

И все же что-то в его словах зацепило – старость неминуема, но раны... Как ни стыдно мне было, но взгляд сам тянулся к лицу декана, разглядывая бугры и провалы рубцов.

– Останешься на боевом – не доживешь. – Он хлопнул ладонью по столу. – Садись.

Я опустилась на место для посетителя. Декан положил передо мной лист, поставил чернильницу так резко, что капля выплеснулась на полированную поверхность стола.

– Бери перо. Пиши.

Я не стала спрашивать, откуда он знает о моей грамотности – наверняка в сопроводительных документах, что посылали в приемную комиссию, что-то такое было.

– Господину ректору императорского университета Улису Террилу. От студентки первого курса Лианор Орнелис. Прощение.

Я подняла взгляд.

– Пиши-пиши, – кивнул он.

Пришлось снова склониться над бумагой.

– Прошу перевести меня с боевого факультета на факультет бытовой магии.

Глава 7

Я снова подняла голову. С замершего пера на бумагу упала клякса.

– Раз-зьява, – рыкнул декан. – Ничего, ректор привычный. Пиши, чего замерла.

– Не могу, – выдавила я, пытаясь понять, что происходит.

– Писать разучилась?

– Да, вы правы, надо называть вещи своими именами. – Я поднялась из-за стола. – Я не буду дописывать это прошение.

– Будешь.

Я покачала головой.

– Я поступала на боевой факультет. На нем и останусь.

– «Поступала на боевой», – передразнил он. – За тебя платит корона, и не тебе решать, на каком факультете учиться, а руководству университета.

Я начала лихорадочно вспоминать соглашение об обучении. Барон Аллеманд, хозяин приюта, был так добр, что подробно объяснил мне значение каждого пункта, переведя с зубодробительного юридического языка на понятный. Потом заставил перечитать еще раз и убедиться, что я действительно все понимаю, и только после этого разрешил подписать. Полдня на меня потратил, не меньше.

«Всегда читай, что именно ты подписываешь, – несколько раз повторял он тогда. – Все, до последней запятой. Неваж-

но, сколько времени это займет. Не понимаешь что-то – не подписывай, пока не разберешься. Если тебя торопят – значит, наверняка есть подвох».

– Будьте добры, напомните мне пункт соглашения, в котором указано, что...

Я покопалась в памяти, перебирая заковыристые формулировки, и все же решила говорить как понимаю. Незачем давать повод для насмешки, используя слова, значения которых точно не знаешь.

– ...указано, что декан как представитель университета и короны может потребовать от меня перевестись на другой факультет.

– На боевом мест нет, – отрезал Рейт.

Ушел от ответа. Значит, я помню правильно, и такого пункта действительно не существует. Отсюда следует, что по какой-то причине декан не хочет видеть меня на своем факультете.

Но почему? Опять происхождением не вышла? Чушь, программа началась еще до моего рождения, и сейчас имперский корпус боевых магов, по словам госпожи Кассии, состоит из таких, как я, не меньше, чем на треть: отпрыски знатных родов не слишком-то рвутся сложить голову за корону. Те, кому приходится зарабатывать на жизнь, предпочитают охранять тех, кто богаче, а остальные просто проживают состояние, закинув диплом на дальнюю полку.

Тогда почему он хочет от меня избавиться? Причем так,

что якобы я сама захотела уйти на другой факультет?

– Даже если мест и нет, для поступивших при поддержке короны – отдельная квота. – Сдаваться я не собиралась.

Факультет бытовой магии, еще чего! Нет, я не имела ничего против бытовиков – в конце концов, всем людям хочется жить в тепле и уюте, вкусно есть и сладко спать. Просто у меня самой с бытовой магией отношения не особо складывались. Еще с тех пор, как наставник, желая напомнить мне, что я девушка и, значит, будущая хозяйка, предложил мне поджарить яичницу с помощью магии. Яичницу я блистательно сожгла. Одна польза была от той попытки – сковородка стала выглядеть как новенькая, многолетний нагар превратился в хлопья пепла вместе с яичницей. Какая мне бытовая магия, если руки не тем местом приделаны?

К тому же на бытовом одни высокорожденные зазнайки. Парни из знатных родов, не знающие, куда себя приложить, традиционно поступают на боевой, потому что мужчина должен быть защитником. Девушки – на бытовой или на целителей, чтобы уметь позаботиться о доме и детях, – хотя вряд ли им приходится многое делать самим. По крайней мере, так говорила госпожа Кассия.

– Для таких, как ты, там нет мест! – рявкнул Рейт, видимо окончательно потеряв терпение. – Для смазливых бабенок, которые думают, что стоит им похлопать глазками и покрутить попкой, как к их ногам рухнет с десятков богатых и знатных парней.

Я задыхнулась от возмущения, на миг забыв все приличные слова, а он, видимо, принял это за растерянность.

– Думаешь, ты первая такая, кто поступил не ради боевой магии, а ради боевых магов?

– Вы не...

Я хотела сказать «вы не правы», но он истолковал мое замешательство по-своему и перебил:

– Смею, и не тебе, сопля этакая, мне указывать, что говорить в собственном кабинете! Сперва хвостом вертите, а потом ублюдков ваших в мусорной яме находят, и скандал на всю столицу!

– Я собираюсь учиться, а не... – проглотила неприличное словечко, – замуж.

Кулаки сжались сами собой, сминая листок с недописанным прошением. Жаль, что это не горло декана. Хотя вряд ли кто-то в самом деле сможет вцепиться такому в глотку, это он кого хочешь порвет не хуже изначальной твари.

– Да, конечно! Обет дала! Не мечтай: замуж тебе не позовут, обрюхатят и бросят. – Он шагнул к столу, положил еще один лист и припечатал его ладонью. – Садись и пиши!

Я не шелохнулась. Понятно, почему декан не хочет видеть меня на своем факультете – кое-какой части тела не хватает. Непонятно, что мне с этим делать: при всем моем желании ничего лишнего у меня больше не вырастет.

Да в конце концов, магию творят головой и руками, а не тем местом, которое отличает мальчиков от девочек! И раз

та темноволосая в потрепанных штанах и другие девушки, которых я видела на полигоне, удержались на факультете, несмотря на такое отношение, значит, и я удержусь!

– О чем задумалась? – едко поинтересовался декан.

Сил на обтекаемое вранье не осталось, и я ответила прямо:

– Пытаюсь понять, что первично.

– Объяснись.

– Вы назвали меня шлюхой, ничего не зная обо мне. Это суровое мужское братство формирует определенное отношение к девушкам? Или в боевые маги изначально идут подтверждать свою мужественность, убивая, и подобный склад характера подразумевает и определенное отношение к девушкам?

Он переменился в лице, а я в который раз подумала, что язык мой – враг мой. Бессчетное количество раз мне приходилось «отвечать за слова» – и опять на те же грабли! Вот уж точно горбатого могила исправит!

И эту могилу мне, кажется, обеспечат прямо сейчас.

Повисло тяжелое молчание. Декан скомкал в ладони лист, который только что положил на стол. Ком бумаги полыхнул, и на миг мне показалось, что сейчас огненный мячик полетит мне в лицо. После чего меня просто размажут о стену, чтобы потом показывать получившееся пятно новым студентам: вот что бывает с теми, кто перечит декану боевого факультета.

– Вон! – рявкнул Рейт.

Ждать, пока он попросит второй раз, я не стала. Выва-
лившись в коридор, прислонилась к стене. Тело била круп-
ная дрожь. Я все испортила. Собственноручно загубила свой
единственный шанс на нормальное будущее.

Если перевести мой последний вопрос с вежливого на по-
нятный, то получалось «Вы девушек за людей не считаете,
потому что не чувствуете себя достаточно мужчиной или
просто нахватались плохого в дурной компании?».

Кто угодно взбеленится.

Вернуться, умолять о прощении, написать это проклятое
прошение о переводе? В конце концов, и на бытовом учат-
ся. Выйду, смогу устроиться помощницей экономки, а там,
может, и понравится. Образумлюсь, как советовали мне по-
други. Дело женщины – вести хозяйство и рожать детей, а не
гонять чудовищ по лесам.

Да в конце концов, я же честно старалась быть вежливой!
Разве я виновата, что родилась девчонкой?

Кое-как, по стеночке, я доползла до лестницы, спустилась
по ней на ватных ногах.

– Эй, ты чего? – Оказывается, тот парень, что отпускал
комплименты моей заднице, все еще торчал у расписания. –
Чего зеленая такая? Орал?

Я сглотнула. Кивнула. Перед глазами все плыло, и шумело
в ушах. Вот так, наверное, и валятся в обморок.

– А, тогда ничего. – Парень хлопнул меня по плечу так,

что я присела. Но, как ни странно, в голове сразу прояснилось, и полегчало. – Вот если такой вежливый, что аж приятно, тогда дело плохо. А так – проорется и забудет.

Вряд ли забудет, но, может, в самом деле обойдется?

– Спасибо, – выдавила я.

Он ухмыльнулся.

– Сочтемся при случае. И запомни: Рейту нравится, когда у студента есть яйца.

Я закашлялась.

– Вот чего нет, того нет.

– Я имел в виду в переносном смысле, – заржал парень. – За тебя корона платит?

Я кивнула.

– Заметно. Я такой же пришел. – Он одернул полы отлично сидящего мундира. – Одежка с тех пор лучше стала, а манерам так и не научился. Я Алек.

– Лианор.

– Проводить тебя, чтобы не заблудилась? – Его рука устремилась к моей талии, и я отступила.

– Как-нибудь в другой раз, спасибо.

Он пожал плечами, дескать, не больно-то и хотелось. Я выскользнула за дверь. На свежем воздухе дурнотная слабость прошла окончательно. Ничего. Пока еще ничего не решено. Принесут приказ об отчислении – вот тогда и буду страдать. А сейчас... Обратно к кастеляну, наверное. Он скажет «вернешься, как побеседуешь с деканом». Беседа опре-

деленно состоялась, а о записке или чем-то подобном кастелян не упоминал.

Я миновала полигон, углубилась в парк. Желание смотреть по сторонам пропало, внутри обида мешалась со злостью и страхом, все силы уходили на то, чтобы сохранять хотя бы внешнее спокойствие, вместо того чтобы с воплями отпинать ближайшее дерево, а потом сесть в траву и разреваться.

Что-то подвернулось под ноги, я клюнула носом, взмахнула руками, пытаюсь устоять, но одновременно неведомая сила резко дернула меня в сторону, увлекая в кусты. От двух разнонаправленных рывков я все-таки потеряла равновесие, и, прежде чем успела восстановить его, меня дернуло снова. Пролетев сквозь кусты, я грохнулась оземь, неловко выставив руку. В плече что-то хрустнуло, я вскрикнула от боли.

– Купол тишины, хоть заорись, – раздался сверху голос угловатого парня, а в следующий миг мне в живот прилетел пинок, выбив дыхание. – Зарвавшуюся чернь надо учить.

Он отступил на шаг, разглядывая меня снизу вверх.

Не дожидаясь, пока смогу вздохнуть как следует – или когда прилетит еще один пинок, – я сгребла с земли горсть травы и прошлогодних листьев, швырнула в лицо Бенедикту. Он отшатнулся, прикрывая глаза. Этого мига мне должно было хватить, чтобы подняться, но правая рука, когда я попыталась опереться, отказалась держать, а плечо прострелило болью, и я снова свалилась, как перевернутый на спину

жук.

Проморгавшись, угловатый примерился к очередному пинку. Отскочил, когда я лягнулась, целясь в пах. Мимо!

Магия зудела на кончиках пальцев, но за магические поединки исключали всех, не разбирая, кто виноват и кто прав. С другой стороны, барончик явно больше меня поднаторел в боевых заклинаниях, так что оно и к лучшему.

Он попытался снова зайти сбоку, я снова лягнулась. В этот раз попала – угловатый взвыл, схватившись за колено, и я мстительно пнула его по второму. Он свалился, я подлетела, в этот раз вовремя вспомнив про больную руку. Оседлав барончика, от души заехала ему по морде – правая рука подниматься отказывалась, но мне и одной левой хватит, чтобы подправить ему физиономию.

Меня схватили за воротник и вздернули над землей, будто котенка.

Опять? До чего же неудобно быть мелкой и легкой!

– Что здесь происходит? – холодно поинтересовался декан.

«Если он вежлив до приторности, дело плохо», – вспомнилось мне предупреждение Алека.

Да что ж мне так везет сегодня, а?

– Господин граф, эта ненормальная на меня напала! – завопил угловатый.

Глава 8

В который раз за сегодняшний день я онемела от возмущения. Декан тоже молчал, по-прежнему держа меня за воротник, да так, что мне пришлось привстать на цыпочки, чтобы не задохнуться.

Тела коснулась магия, я попыталась сбить заклинание, но добилась лишь, что меня тряхнули так, что зубы клацнули.

– Она на меня напала, – повторил угловатый, видимо, воодушевленный реакцией декана. – Я просто шел навстречу и...

Декан выпустил меня, шагнул к нему.

– Встаньте.

Барон поднялся, медленно, всем видом демонстрируя, как ему плохо. Притворяется, гад, если бы я ему в самом деле колено выбила, не встал бы.

– Имя, факультет, курс? – пролаял Рейт.

– Барон...

– По уставу.

– Бенедикт, международный факультет, первый курс.

– Что ж, я расскажу декану Лоренсу, что его студенту расквасила нос девчонка со сломанной ключицей.

«Да он первый начал!» – едва не воскликнула я, но, памятуя о недавнем разговоре, прикусила язык.

– К слову, это вы обеспечили ей перелом?

– Да я ее пальцем не тронул! Я просто...

Я нервно хмыкнула. Что правда, то правда: пнул, а пальцем не тронул.

– Лианор?

– Я неловко упала, господин декан.

Лучше говорить правду и только правду. Я упала, а что свалиться мне помогли – не доказать. Мое слово против слова барона: кому скорее поверят? И в чью пользу будет решение, если начнется разбирательство?

– Бенедикт, свободны. Что с вами делать, решит ваш декан. – Рейт покачал головой. – Вряд ли Лоренс обрадуется, узнав, что международник не смог разрешить конфликт словами. Подрался, и с кем? С женщиной!

– Это она...

– Вон отсюда.

Угловатый испарился, даже хромать забыл. Я проводила его тоскливым взглядом: очень хотелось тоже сделать ноги как можно быстрее.

Но вместо этого пришлось сказать:

– Спасибо, господин декан.

Он появился очень вовремя. На самом деле меня спасло лишь то, что Бенедикт хотел покрасоваться, чтобы я прониклась сознанием собственного ничтожества. Он явно никогда не дрался всерьез. Знать не мутузит друг друга кулаками, для этого есть клинки и магия. Но все равно я долго бы не продержалась, с одной-то рукой. Он бы опомнился, и прилетело

бы мне по первое число.

– Пожалуйста. – Он начал развязывать шейный платок. Я попятилась, соображая, как бы обойти его и снова выбраться на аллею, но он окрикнул: – Стоять!

Пришлось стоять. И мне понадобилась вся моя выдержка, чтобы не шарахнуться, когда Рейт шагнул ко мне и взял за руку. Молча, словно я была куклой, согнул мою руку, подвесил ее на перекинутую через здоровое плечо косынку. Отступил на шаг, оглядывая дело рук своих. Я молчала, слишком растерявшись, чтобы говорить.

– Вообще-то я шел за тобой, потому что забыл отдать. – Рейт протянул мне лист бумаги. – Направление к целителям. Пусть тебя осмотрят и сделают заключение, годишься ли ты в боевые маги. Заодно и с ключицей разберутся, мне такая травма не по силам.

Осмотрят и сделают заключение, что не гожусь, с переломом-то.

– Меня уже осматривал целитель, перед тем как подать документы на обучение, господин декан.

В самом деле осматривал и нашел «до неприличия здоровой». Иначе не видать бы мне боевого факультета.

– Знаю я, как эти городские целители осматривают и как заключения пишут за барашка в бумажке.

– У меня нет денег на взятки, – ровным голосом произнесла я.

Он усмехнулся.

– Зато есть кое-что другое.

Я открыла рот ответить на очередное оскорбление, снова закрыла – хватит, уже наговорила сегодня. Рейт между тем продолжал:

– Признают годной – пойдешь к кастеляну. Как заселишься, снова ко мне. Сегодня, до конца дня. И раз ты так категорически отказалась писать прошение о переводе... – Он усмехнулся. – Не признают годной – свободна.

– То есть? – похолодела я.

– На боевом ты учиться не сможешь, на других не хочешь, а кто я такой, чтобы тебя принуждать?

Он развернулся и, прихрамывая, зашагал по аллее.

Я выругалась себе под нос. Да что такое сегодня, все одно к одному!

К целителям я плелась еле-еле. Одно плечо болело, второе оттягивала сумка, ноги гудели – с утра сегодня не присела, – и подводило живот. Надо было соглашаться на кофе с пирожными, вряд ли день обернулся бы еще хуже, чем получается сейчас.

Куда уж хуже-то?

– Эй, Нори! – окликнули меня из-за спины.

Я развернулась, ожидая очередного подвоха. Алек. Как же нестати!

– Иду, люблюсь видами, – ухмыльнулся он, – и тут гляжу: вид уж больно знакомый. – Он стер ухмылку. – Что случилось?

– Ничего.

Оставят меня в покое сегодня?

– А платочек для украшения?

Я ощутила касание магии, ругнулась, сбивая заклинание.

– Это мое дело.

Надо держать себя в руках. Нельзя грубить, как бы ни хотелось. Еще одна ссора, особенно с будущим коллегой, мне вовсе ни к чему. Тем более боевик-то точно драться умеет. Но Алек отставать не собирался.

– Кто тебя так?

– Упала.

– Ага. Упала. И так десять раз. – Он сдернул с моего плеча сумку, крикнул. Алек был ненамного выше меня, щуплый, так и не скажешь, что с боевого. – Любой, кто обидит боевика, огребет от всех боевиков. Так кто помог тебе так удачно упасть?

Я криво усмехнулась.

– Может, мне и не быть боевиком, так что и суется не стоит.

– Ты написала прошение? – встревожился Алек.

– Откуда ты знаешь про прошение?

– Так Рейт всех девчонок заставляет его писать. Кто не ведется – тот молодец, а кто сломался... – Он пожал плечами. – Это боевой, мы после диплома не крестиком вышивать будем.

Ледяной узел в груди немного ослаб. Все-таки намного

легче знать, что я не единственная, кто удостоился нелюбви декана. Другие справились, и я справлюсь.

– В этом году трое написали, будешь единственной девчонкой на курсе, – добавил Алек. – Или?...

– Нет, я отказалась. Но... – Я молча протянула ему листок.

Ничего секретного там не было, настоятельная просьба к целителю осмотреть меня и дать заключение о годности согласно расписанию болезней.

– А, ерунда, – отмахнулся Алек, подхватывая меня под больную руку. Я зашипела, он отскочил. – Прости. Если тебя осматривал целитель, как должен был, то и наши ничего не найдут. К слову, тебе все равно к ним надо, так что пойдем.

Он зашел с другого бока и все же подхватил меня под руку. Я позволила увлечь себя по аллее – сил сопротивляться не осталось.

– Госпожа Агнес – отличная тетка, залечит твой перелом в пару минут. Да и Род тоже неплох, даром что еще доучивается. Он как-то мне лодыжку собирал, на следующий день я уже бегать мог.

– Род? – переспросила я, припоминая что, кажется, уже слышала это имя сегодня.

– О, Род – это Род, – протянул Алек.

– Объяснил, – хмыкнула я.

– Его все знают. Единственный, кто торчит в университете вот уже шестой год.

– А разве отстающих не исключают? – не поняла я.

– Отстающих, – заржал Алек. – Ты Роду это не брякни. Он программу боевого осилил за два года.

Я мотнула головой, окончательно перестав что-то понимать.

– Когда я попал в университет, он был на последнем курсе боевого. Староста факультета, все дела, даром что младше остальных на два года. Рейт уже мечтал, что оставит его преподавать, а Род возьми да откажись. Мало того, еще поступил на целительский. Сказал, что убивать научился чересчур хорошо, а вот отвести смерть до сих пор не способен... Мы думали, Рейта удар хватит.

Променять боевую магию на клистирную трубку? Надо быть совсем странным.

– А может, просто сражаться не захотел. – Я попыталась пожать плечами и скривилась от боли.

Дел для боевых магов всегда хватало. Прорывы изначальных тварей случались редко, но там, где они происходили, на много десятилетий слабела ткань реальности, и в наш мир начинала пробираться всякая нечисть. Это не говоря о вялотекущих стычках с соседями – с той же Фарией империя вот уже века два никак не могла поделить кусок побережья.

Впрочем, если он второй раз способен оплатить учебу в университете, то вполне мог просто не идти на службу короле, если не хотелось рисковать жизнью в бою.

– Род-то? – хмыкнул Алек. – Нет, он не трус и от доброй драки никогда не бегал. Когда он на целительский ушел, кое-

кто из наших пытался плюнуть вслед. Кто из зависти, кто перед Рейтом выслужиться хотел. — Он покачал головой. — Могу сказать, я рад, что у меня хватило ума не нарываться. Хотя я тоже не понимаю, что за вожжа Роду под хвост попала. Никто не понимает.

Алек нахмурился.

— Как бы он тебя у меня не отбил, девчонки от него киятком... — Он осекся.

— У тебя? — приподняла я бровь и потянулась за своей сумкой.

— Не цепляйся к мелочам, — отмахнулся он.

— Ничего себе мелочи! — возмутилась я. — Я тебе ничего не обещала! Отдай мои вещи и топай...

Алек распахнул передо мной дверь здания целительского факультета.

— К мелочам, конечно. Я и не прошу обещаний и сам ничего обещать не намерен. Но это не значит, что я не попробую приударить за хорошенькой девчонкой...

Я замотала головой, пытаюсь уложить услышанное. Это и называется хваленой мужской логикой?

— ...или что мне понравится, если за ней приударит кто-то другой, — закончил Алек, целеустремленно шагая по коридору.

— А я не хочу, чтобы за мной «приударяли», — отрезала я, снова потянувшись за своей сумкой. — Спасибо, дальше я сама.

Спрашивать, где найти дежурного целителя, не было необходимости: на стенах нашлись указатели со стрелками. Хоть где-то подумали о первогодках.

– Нет уж, доведу до места. – Он подтолкнул меня в нужном направлении, попытавшись шлепнуть пониже спины, но сам получил по руке. Затряс кистью. – Ты со всеми такая колючка?

– Со всеми, кто не умеет держать лапы при себе. Отдай мои вещи, сама дойду!

– Доведу до места, – повторил он. – Чтобы ты снова не «упала», а я не огреб нагоняй от декана.

– За что? – не поняла я.

– Я должен приглядывать за новичками и следить, чтобы вы осваивались в университете.

– Я и сама могу освоиться.

– Осваиваться, не вляпываясь в неприятности. А ты, судя по всему, мастерица находить их на свою симпатичную задницу.

Я зарычала. Алек расхохотался.

– Мне ты ничего не должен.

– Должен. Разрешите представиться, староста боевого факультета, Алек Олдрич. – Он дурашливо поклонился.

«Да ну, врешь», – едва не брякнула я. Присмотрелась повнимательней. Щуплый, невысокий, с дурашливой ухмылкой.

И неожиданно серьезным, взрослым взглядом. Я запозда-

ло вспомнила, что он, по его словам, появился в университете, когда Род, о котором он рассказывал, заканчивал боевой, а потом оба еще отучились еще три года, один на целительском, второй боевиком.

– Староста? Сколько же тебе лет?

– Я на последнем курсе. Плюс год, когда учился грамоте и всяким полезным вещам, которым низшее сословие обычно не учат. Так что постарше остальных буду. – Он хмыкнул. – Маленькая собачка до старости щенков. Очень удобно, когда тебя не воспринимают всерьез, так что я не жалуюсь. С девочками, правда, не всегда удобно выходит.

– Сейчас пушу слезу жалости, – пробурчала я.

– Лучше поцелуй.

– Иди ты... – беззлобно огрызнулась я.

– Уточни направление. – Он остановился. – Впрочем, мы уже пришли.

Он постучал в ближайшую дверь.

– Да, – донеслось из кабинета, и я похолодела, узнав голос. Не может быть.

Алек просунул голову в дверной проем.

– Род? Удачно я попал.

– Что сломал в этот раз? – Негромкий смешок заставил меня вздрогнуть.

Род. Родерик. «Пересекаться» на целительском.

Кажется, я ошибалась, когда думала, что еще хуже день стать не может.

Я попятилась, забыв даже, что Алек все еще держит мою сумку. Смыться, пока не поздно. Приказ декана? Но ведь есть еще госпожа как-ее-там?

Алек стремительным движением сцапал меня за руку.

– Первогодку привел. Осмотр... – Он вдернул меня в кабинет. – И полечить бы надо.

Я обреченно зажмурилась.

– Эй, ты чего? Он не кусается, – хохотнул Алек.

Пришлось открыть глаза ровно для того, чтобы увидеть, как посуровело лицо Родерика. Прежде чем я успела опомниться, он шагнул ко мне.

– Алек, выйди.

И от его тона у меня мороз пробежал по коже.

Глава 9

– Кто это сделал? – спросил Родерик, и на миг мне стало жаль угловатого.

– Упала.

– Кто помог тебе упасть? – не отставал он.

На миг я заколебалась. За меня никто никогда не вступался. Наверное, это приятно и... Нет. Не хочу быть должной. Не хочу начинать учебу с жалоб и доносов.

– Не обратила внимания. Корень, наверное.

К слову, за что я так неловко зацепилась, потеряв равновесие в самом начале? Магический барьер? Может быть. Потом-то меня точно дернули магией.

– Что ж, я все равно узнаю. – В его голосе по-прежнему чувствовался с трудом сдерживаемый гнев. – Подожди здесь.

Родерик шагнул в коридор, оставив меня растерянno смотреть себе вслед.

– Эй, ты куда? – донесся из-за щели в двери голос Алека. – Так быстро управился?

– Позову госпожу Агнес.

– А сам чего?

– Не хочу смешивать контексты, – непонятно пояснил Родерик.

– С пациентами шашни не крутят? – перевел Алек после едва заметной паузы. Родерик не ответил, и он чуть повысил

голос: – Вообще-то я первый на нее глаз положил.

Я выругалась себе под нос. Не могли дверь закрыть нормально. Или Родерик сделал это специально, чтобы я услышала их разговор?

– Глаз, ха! Даже не думай.

И столько уверенности было в его словах, что я не выдержала. Распахнула дверь.

– Я вам что, вещь, без меня меня делить!

Оба даже не покосились в мою сторону.

– Мелочь, не лезь в мужской разговор.

– Не цепляйся к ерунде, – отмахнулся от меня Алек и шагнул к Родерику. – А если буду думать, то что?

Странно, но, будучи на полголовы ниже, он не смотрелся потешно. И хотя я не сомневалась, кто победит, если эти двое все же сцепятся, видела, что легкой победа не будет.

Вот только этого не хватало, чтобы и без того замечательный день стал просто прекрасным!

Зажмурившись – это заклинание давалось мне не слишком хорошо, – я призвала водяной шар. Одно из базовых заклинаний, скорее даже бытовое, не разрушительное само по себе. Но призванной водой можно было, например, прорвать огненную стену. Или вскипятить, а то и заморозить воду перед тем, как запустить ей в противника. Ничего этого я делать не стала, а просто позволила ведру воды обрушиться на пол между парнями, окатив обоих.

Они отпрыгнули друг от друга, обернулись ко мне с оди-

наково возмущенными лицами.

– Ты чего?

– Белены объелась?

– Остыли? – поинтересовалась я, из последних сил стараясь не закричать. В самом деле, мало мне сегодняшних неприятностей, еще эти два... весенних кота, даром что осень.

Молодые люди снова переглянулись и хором рассмеялись. Не выдержав, я захихикала тоже, уж очень забавными были их лица несколько мгновений назад.

– Да уж, на хромой козе к тебе не подъедешь, – сказал Родерик. Кажется, он хотел добавить что-то еще, но тут раскрылась соседняя дверь, и женский голос строго поинтересовался:

– Что за шум? Родерик, Алек, почему вы в таком виде?

– Заклинание спутал, – широко улыбнулся Родерик. – Госпожа Агнес...

Я вдруг перестала его слышать, только видела, как шевелятся губы. Вот, значит, как со стороны выглядит купол тишины. И, похоже, говорили они обо мне.

Или нет? В конце концов, весь мир не крутится вокруг меня, и у двух целителей вполне могли найтись темы для разговора, в которых присутствующих посвящать не стоило.

Вот только у нас в приюте шептаться при других было не принято. Или говори в полный голос, или подожди, пока рядом останутся только доверенные люди. Хотя надо было

очень постараться, чтобы потолковать без лишних ушей.

Судя по лицу Алека, он тоже не слышал разговора, и ему это очень не нравилось. Но вмешиваться он не торопился, и я тоже решила не лезть. И без того сегодня вляпалась во все что только можно.

Я отступила в глубину кабинета, чтобы не выглядеть любопытной, и, уже отворачиваясь, услышала:

– Извини, Алек, и ты, Лианор, тоже. Но тайна целителя есть тайна целителя.

Я кивнула, давая понять, что извинения приняты. Сказать об этом не успела – в дверном проеме возникла женщина.

Выглядела она раза в два старше меня, русые волосы собраны в гладкий пучок, светлое платье простого кроя. Или преподаватель, или нанятый на жалованье целитель. Скорее первое: смысл нанимать человека, если целителей и так целый факультет?

– Постой смирно, – сказала она, собирая заклинание. Через некоторое время кивнула сама себе и сказала: – Раздевайся.

– Зачем? – не поняла я. Ни разу не помню, чтобы мне пришлось раздеваться перед целителем.

– А как я через одежду буду сопоставлять ключицу? – проворчала она.

Я завозила с застежкой. Если не пытаться поднять руку, терпимо. Но, едва начав стаскивать одежду с плеч, я зашипела от боли.

– Давай помогу.

В три руки получилось ловчее. Снимая нательную сорочку, я вдруг подумала, что сейчас на месте целительницы мог быть Родерик, и от этой мысли меня обдало жаром.

– Чего краснеешь? – поинтересовалась госпожа Агнес. – Меня твои прелести не интересуют.

Да я бы со стыда умерла, если бы пришлось раздеваться перед парнем! Интересно, что он наплел коллеге? Нет, пожалуй, мне лучше не знать! Неважно, почему он не стал лечить меня сам, – спасибо ему за это.

– Потерпи немного.

Целительница зашла со спины, оттянув мои плечи назад, и начала обматывать их повязкой, перекрещивая ее на спине. Мне тут же стало не до парней и стыда – не заорать бы. Госпожа Агнес усадила меня на кушетку, прощупала ключицу, что-то поправляя – я вскрикнула, – коснулась магией. В плече засвербело, отчаянно захотелось почесаться, но суровый оклик меня остановил. Пришлось ждать, кусая губы, чтобы не разныться.

– Вот и все, – сказала наконец она. – Повязку я оставлю, просто чтобы ты не решила, будто тебе море по колено. И не советую больше так падать.

Как будто это от меня зависело! Но вслух я сказала:

– Спасибо. – И тут же спохватилась. – А мыться как?

– Как обычно. Она самоочищающаяся, – отмахнулась целительница. – Придешь через неделю, сниму. Если я отлу-

чусь, попросишь Милену или Родерика.

Щеки снова обожгло. Госпожа Агнес покачала головой:

– У целителя пола нет. Или, думаешь, к корпусу боевых магов специально приставят женщину, чтобы беречь твою скромность?

– Я ничего не думаю, – буркнула я, продолжая сгорать от неловкости.

– Оно и видно, что не думаешь. – Она устроилась за столом и открыла чернильницу. – Подожди немного.

«Немного» затянулось, кажется, на часы. Целительница покрывала рунами один лист бумаги за другим. Со своего места я не могла разобрать, что она там пишет, а спросить боялась. Вдруг в подробностях излагает, почему я не могу учиться на боевом? Что ж, чем позже я об этом узнаю, тем лучше. Глупо, конечно, но мне хотелось оттянуть свой приговор.

– Вот. – Она поднялась из-за стола, и я встала вслед за ней. – Это отдашь декану, он передаст кому надо. Пока не снимем повязку, нельзя будет делать некоторые упражнения. Отжимания, подтягивания... впрочем, они знают, – перебила она сама себя.

– Значит, мне можно учиться? – выдохнула я, ощущая, как внутри распускается ледяной узел. Меня не отчислят!

По крайней мере сегодня.

– Противопоказаний не вижу, – пожалала она плечами. – Травма неприятная, но обошлось без осложнений. Если не

случится ничего непредвиденного, восстановишься полностью.

– Непредвиденного? Например?

– Например, снова упадешь.

А вот в этом я совсем не уверена. Хотелось бы, конечно, надеяться, что угловатый, получив отпор, оставит меня в покое, но вдруг он тоже из породы горбатых, которых могила исправит?

– Вот здесь протокол осмотра телесных повреждений. – Она протянула мне второй листок. – Я оставлю в твоей карточке копию, но лучше бы тебе не терять свой экземпляр.

– Зачем он мне? – не поняла я.

– На случай разбирательства. Как раз перед тобой у меня был молодой человек, который очень настойчиво просил зафиксировать нанесенные ему побои.

Я похолодела. Девушка из низшего сословия избила обладателя баронского титула. Двумя неделями в камере я не отделаюсь.

Целительница кивнула:

– Вижу, ты поняла. Я должна оставаться нейтральной, поэтому все, что могу сказать: не теряй.

– Вы и так много для меня сделали. Спасибо, – поклонилась я, прощаясь.

– Вещи свои не забудь.

Вещи? Ах, да, платок декана. Нужно ему вернуть. Впрочем, он же в любом случае сказал зайти после того, как обу-

строюсь на месте.

В коридоре никого не было, видимо, парни пошли сушиться. Лужа на полу исчезла: кто-то позаботился о чистоте. По коридорам корпуса сновали студенты, и никто не обращал на меня внимания. Значит – в главный корпус и к кастиеляну.

А может, мне лучше не к кастиеляну, а к воротам и бежать без оглядки?

Нет. Если чему я и успела научиться за свою недолгую жизнь – нет настолько плохой ситуации, которую не мог бы ухудшить необдуманный поступок. Когда станет ясно, что мне грозит, тогда и буду думать, как действовать, а пока не стоит беспокоиться о том, чего я не могу изменить.

Солнце уже опустилось за дома и деревья, но не торопилось укатываться за горизонт. Надо же, а мне казалось, что уже ночь. Когда же этот бесконечный день закончится?

От дерева неподалеку отделилась фигура, я подпрыгнула и тут же обмякла. Алек.

– Пойдем, провожу. – Он потянулся к моей сумке.

Я попятилась.

– Не надо. Правда, не надо.

Все, чего мне сейчас хотелось, – добраться наконец до комнаты, что мне выделили, и упасть на кровать. Да хоть на пол!

Хотя упасть не получится. Декан же велел зайти к нему, как заселюсь.

Алек смерил меня сочувственным взглядом.

– Ты еле на ногах держишься.

– Ничего, удержусь.

– Перестань, – мягко сказал он. – Помочь девушке нести тяжелую вещь – никого ни к чему не обязывает.

Я невесело усмехнулась.

– В самом деле, – так же мягко продолжал Алек. – В конце концов, я как староста просто обязан тебе помочь.

– Еще скажи, что ты всем первокурсникам носы вытираешь.

– Не поверишь – всем. Но парни уже давно в своих комнатах, обмывают поступление. Три девчонки теперь забота старосты бытовиков. А ты еще даже до кастеляна не добралась.

Он снял с плеча мою сумку. Я сморгнула невесть откуда взявшиеся слезы.

– Понятно, что ты привыкла полагаться только на себя, – продолжал Алек, кивком приглашая меня идти вперед.

Сейчас он вел себя вовсе не как днем: руки не тянул, сомнительных комплиментов не отпускал, – и у меня просто не было сил отмахиваться от него и дальше.

– Я такой же был, – продолжил он. – Да все мы такие же, кто из приютов сюда попал.

– Много нас? – полюбопытствовала я.

– Четверть, на каком-то курсе больше, на первом вот в этом году поменьше: еще трое, кроме тебя.

В списках студентов, поступивших на первый курс боевого факультета, числилось тридцать человек. Три девушки ушли. Двадцать семь четверо из низшего сословия. Немного, но и немало. И определенно лучше, чем быть одной.

— Но теперь ты не одна, — продолжал Алек, словно прочитав мои мысли. — Не буду врать, что мы тут одна большая семья. Норов у всех тот еще, иначе мы бы не оказались на боевом. Свары нередки. Но... — Алек покрутил рукой в воздухе, будто подбирая слова. — Они остаются между своими. — Он неожиданно широко улыбнулся. — В конце концов, если есть друзья, непременно найдутся и враги. И наоборот. Только призраки не отбрасывают тени и никому не наступают на хвост.

Я кивнула. На душе неожиданно потеплело. В самом деле, если уж меня угораздило обзавестись врагом, едва ступив на порог университета, может, и друзья найдутся?

Глава 10

– Ну вот. – Алек остановился у двери кастаньяна.

Сейчас коридор был пуст, и я обрадовалась тому, что никого нет и ссориться не с кем.

– Иди, я тебя подожду.

– Алек... – Я замялась: не наживу ли себе сейчас еще одного врага своей прямоотой. Но лучше объясниться сразу. – Не стоит. Давай начистоту: что бы там обо мне ни говорил декан, я поступила учиться не на содержанку, а на боевой. Учиться. Не искать покровителя. Не крутить шашни, как ты недавно выразился...

– Это удар в самое сердце! – воскликнул он, прижимая руки к груди. – Я останусь безутешен!

Прежде чем я успела что-то ответить, он улыбнулся.

– Не будь так серьезна. Это просто флирт. Просто... игра.

Просто... Интересно, для скольких женщин из тех, что потом оставили детей в приюте, все начиналось с подобной «просто» игры? Алек, хоть и тоже подкидыш, все-таки парень, для них все по-другому.

Или я сгущаю краски, наслушавшись рассказов девочек, что успели побывать на улице? Мужчинам только одно и надо, твердили они. Иначе откуда бы брались такие, как мы, никому не нужные дети?

Но ведь я не обязана поддерживать эту игру?

– Я не привыкла к такому, – призналась я. – И правда, не надо.

Он пожал плечами:

– Хорошо, давай начистоту. Нужно очень старательно уворачиваться от правды, чтобы говорить, будто, поступив на боевой, ты собираешься только учиться.

– И ты туда же! – вспыхнула я.

Он поднял ладони в примирительном жесте.

– Постой, дослушай. На первом курсе ты единственная девчонка. На втором – три, на третьем – пять, на последнем – две. При таком раскладе барышня должна быть страшнее изначальной твари, чтобы за ней не таскался хвост кавалеров.

Было в этом что-то... унижительное. Вроде как получше никого не нашлось, можно и за этой поухлестывать. Заодно соперникам нос натянуть, если ухаживание удастся.

– Что, на бытовом девушек мало? – проворчала я.

– Так туда же еще дойти надо, а тут под боком, да еще и из своих, а не кисейная барышня. Так что или учись улыбаться всем и никому одновременно, или все же найди покровителя. Или... – Он ухмыльнулся. – Могу подарить дубинку, отгонять чересчур назойливых поклонников. Впрочем, мы на боевом, не факт, что поможет.

Я не выдержала, застонала, взъерошив волосы. В таком направлении я действительно не думала, и...

Мало мне было забот!

– Неужели нельзя быть просто добрыми приятелями?

– Почему? Можно, – неожиданно легко согласился Алек. – Но дубинку я тебе все-таки подарю. Пригодится. – Он сменил тему: – Ладно, хватит болтать. Давай – к кастеляну, и я все-таки тебя дождусь.

Кастелян, как и в прошлый раз, едва удостоил меня взглядом.

– Подписанное прошение о переводе.

Опять?

– Я не писала прошение о переводе.

Он наконец соизволил поднять голову от амбарной книги.

– Тогда где тебя носило все это время?

– Я была у декана, – пояснила я. – Но прошение писать не стала.

– Значит, все-таки боевой. Два комплекта летней формы.

Он смерил меня оценивающим взглядом и шагнул к стеллажу. Выудил откуда-то холщовый мешок на завязках. Рядом с мешком на стол лег сверток одежды.

– Повседневный мундир. – Он снова развернулся к полкам, достал еще один сверток. – Мундир для занятий по физподготовке. Три комплекта нательного белья. Башмаки... – Он глянул на мои ноги. – На тебя только туфельки.

Прежде чем я открыла рот, чтобы возразить, кастелян гаркнул:

– Я должен обеспечить всех поступивших обувью, не устраивают туфли, сходишь к башмачнику и закажешь хоть походные сапоги!

Я молча начала складывать одежду в мешок. В конце концов, мои башмаки хоть и видали виды, но разваливаться пока не собирались. А там разберемся.

— Башмачник и портниха в здании бытового факультета. Зайдешь к ним, — велел кастелян.

— Портниха? — не поняла я.

— Мундир подогнать. — Он снова смерил меня взглядом. — Мерки усредненные, мы не у модистки. Тебе мундир будет по спине широк, и штаны в поясе убавлять придется.

Да, те штаны, что на мне, тоже пришлось ушивать в поясе, спасибо, Лидия помогла.

— Но это за свой счет, — предупредил кастелян. — Подгонка от пяти су.

Я мысленно охнула. Этак никаких подъемных не хватит. Ладно, хоть у меня руки и не тем местом приделаны, как у нормальных девушек, все же иголку держать умею. Справлюсь как-нибудь.

— Это отдашь коменданту общежития. — Он протянул мне записку с печатью. — Пристроит тебя.

Хорошо, что жилье для меня тоже оплачивалось из казны. Как и питание. Мне даже стипендия полагалась. Правда, что-то подсказывало, что на ту стипендию сильно не развернешься. Придется искать подработку, а где, спрашивается, ее искать? Впрочем, пока это не самая насущная проблема.

— Это книжка на питание. — Он протянул книжку размером с мою ладонь. — Отрываешь листок, отдаешь в столовой.

Здесь на первый месяц, через месяц вернешь корешки, получишь следующую. Торговать ими не советую, всплывет – останешься без казенного харча.

Я кивнула. Торговать, еще чего. Самой пригодится!

– Это в библиотеку. – Поверх книжки лег еще один листок. – Выдадут учебники. Это тоже для библиотеки.

Я недоуменно моргнула, разглядывая широкий кожаный ремень с прочной пряжкой. Для библиотеки? Но прежде, чем я успела спросить, кастелян вернулся за стол и уткнулся в свои записи.

– Чем застелить постель, даст комендантша, – буркнул он. – Свободна.

Я подхватила неожиданно объемный и увесистый мешок. Сама разберусь что и зачем.

– Теперь поняла, зачем я тебя ждал? – ухмыльнулся Алек, едва я снова оказалась в коридоре.

– Да, спасибо.

Наверное, я смогла бы унести и сумку, и мешок с вещами, но, как назло, заныло плечо, и помощь была очень кстати.

– В общежитие меня не пустят, но до двери донесу. – Прежде чем я успела пикнуть, Алек отобрал у меня и мешок.

– Не стоит, я сама...

– Уймись, – отмахнулся он. – Помнишь, что я говорил? Ты больше не в приюте, так что не отказывайся от помощи.

Я тихонько вздохнула, чувствуя себя неожиданно неловко. Но не отбирать же у него свои вещи?

– А зачем в библиотеке ремень? – спросила я, чтобы сменить тему.

– Пороть нерадивых учеников.

– Да ладно! – опешила я.

Алек кивнул, но долго серьезную мину не удержал, заржал.

– Для учебников и тетрадей. Складываешь в стопку, перехватываешь ремнем, свободный конец наматываешь на руку. Очень удобно. Заодно и засветить можно... навязчивому кавалеру.

– Ну хватит уже! – взмолилась я.

– Не-ет, – протянул он. – Я не злопамятный, просто злой и с хорошей памятью. И припоминать буду долго.

Я ругнулась себе под нос, а Алек снова рассмеялся.

По дороге в общежитие он показал мне столовую – изящный павильон, скрытый среди деревьев.

– Слева от входа зал для богатеньких, справа – для простых, не перепутай, – добавил он.

– Не перепутаю.

Вот и все пресловутое равенство. Видимо, эта мысль отразилась у меня на лице, потому что Алек пояснил:

– Ничего, конечно, страшного не случится, если ты сунешься с талонами туда, где только за деньги кормят, подавальщицы подскажут, но кто-нибудь вроде того гов... самовлюбленного типа, с которым ты сцепилась, может и съязвить. С одной стороны – разбитый нос, с другой – дисципли-

нарная отработка, тебе это надо?

– Откуда ты знаешь про того типа? – спросила я.

Дисциплинарная отработка? Декан ничего не сказал. Или за этим он меня и звал?

Алек фыркнул.

– Да уже весь боевой знает. И международники тоже, говорят, их декан рвет и мечет. Он все твердил, что международник – это человек, который не выронит из глаза монокль, даже если подкрасться к нему и пнуть под зад. А тут – драка. Одна радость: первокурсник, и учеба еще формально не началась.

Я ругнулась себе под нос: угораздило же прославиться в самый первый день!

– Да ты не переживай. – Алек хлопнул меня по плечу, по счастью, здоровому. – Одной сварой больше, одной меньше. Мы с ними цапаемся, наверное, как наши два факультета появились.

– Почему? – не поняла я.

– Потому что из-за их решений нам приходится умирать, я так думаю. Хотя вслух международники говорят про нас, мол, сила есть, ума не надо, а мы про них – что они изворотливые лицемеры. В общем, теплые и дружественные отношения... Вот мы и пришли.

Он выудил из кармана лист бумаги.

– Переписал для тебя расписание на завтра. В первые недели все будут утрясать, так что пока только на день, на

послезавтра сама посмотришь. И не забывай: нулевой парой физуха.

– Физуха?

– Общая физическая подготовка. На полигоне. Не вздумай проспать: Этельмер шкуру спустит.

Он вернул мне мои вещи, открыл дверь, пропуская вперед, и я очутилась в маленьком вестибюле, где за стойкой сидела с вязанием женщина средних лет.

– Я думала, уже все новенькие заселились, – приветливо улыбнулась мне она. – Погоди, сейчас коменданта позову. Вещи пока можешь на стойку положить.

Поблагодарив, я последовала ее совету. Повела плечами. Ноги уже не так отваливались – успела отдохнуть в кабинете целителей. Зато живот пел возмущенные песни, и голова казалась пустой и тяжелой одновременно. То ли от голода, то ли от избытка впечатлений, а ведь день еще не кончился.

Комендантша оказалась полной противоположностью вахтерше: сухая, с плотно поджатыми губами, она жестом велела мне следовать за собой.

– Мужчин не водить, – сообщила она вместо приветствия. – В окна не пускать, застанут – вылетишь из общежития, будешь жить где знаешь.

Вот только мужчин в окне мне и не хватало! Впрочем, эту мысль я решила придержать при себе, тем более что комендантша моим мнением явно не интересовалась.

– Все шашни – в городе. В выходные, праздники и летом

можешь вообще в общежитие не возвращаться.

Я выругалась про себя, но решила, что молчание все-таки золото, незачем в десятый раз повторять, что за сегодняшний день мне общения с мужчинами хватило на всю оставшуюся жизнь.

– После десяти вечера двери закрываются, не попала – но-чуй как знаешь. Если день будний, получишь дисциплинарную отработку.

Значит, нужно возвращаться вовремя. Или учиться лазить в окна.

– Спиртное в общежитие не приносить, за найденное дисциплинарная отработка...

А как же первокурсники боевого, которые уже «обмывают»? Или для парней другие правила? Или главное – не попадаться?

В любом случае у меня нет лишних денег на спиртное, да и не тороплюсь я его пробовать.

– Дурманные травы – тем более, найдут – вылетишь из университета. Песни по ночам не горланить.

«А стихи декламировать можно?» – едва не брякнула я, но вовремя прикусила язык.

– Мебелью не швыряться и вообще после закрытия дверей не шуметь.

Что ж, этот запрет хотя бы понятен.

– Зелья в комнате не варить, пожары не устраивать.

Ну, это, наверное, больше к алхимикам.

Мы поднялись на третий этаж – неужели и сюда парни за-
лезают в окна? Комендантша извлекла из кармана жетон, на
миг блеснувший магией.

– Ключ от заклинания – на входе в общежитие и от твоей
комнаты.

– На входе? – переспросила я, припомнив, что прошла в
двери безо всяких помех.

– Установится в первый учебный день.

Значит, завтра.

– Не теряй. Восстановление платное.

Она поднесла жетон к двери, и та приоткрылась.

По-прежнему не здороваясь и не стучась, комендантша
проплыла в комнату.

– Чего стоишь, заходи. Койки как-нибудь поделите, по-
стель сама застелешь, белье – на койках.

Внезапно оробев, я шагнула вслед за ней и обнаружила
лучезарную улыбку Оливии.

Глава 11

Кажется, совсем недавно я думала, что хуже этот день быть не может?

Будто сглазил кто. Сходить, что ли, завтра прямо с утра в храм, заказать молебен? Вдруг да поможет.

– Здравствуй. Лианор, правильно?

– Да, – буркнула я. – А ты Оливия.

Вот, спрашивается, какой такой умник придумал, что первокурсники должны жить при университете, и неважно, что у них есть родительский дом в городе? Впрочем, велика была бы разница, попалась бы высокородная девица из другого города, только и всего. Оливия по крайней мере осадил угловатого. Может, она не так уж плоха.

– Я заняла эту кровать, ты не против? – продолжала она. – Но если хочешь, можем поменяться.

– Мне совершенно все равно, с какой стороны от двери спать, – заверила ее я.

Может, по меркам графини комнатка и была скромной, но у меня никогда и такой не было. До сих пор мне ни разу не приходилось уживаться с кем-то одним. В спальне приюта было не меньше дюжины девочек.

А здесь – всего-то две кровати по обе стороны от двери. Вместо привычного мне сундука в изножье – шкаф-пенал рядом с койкой. Еще пара стульев и письменный стол, то есть

работать предлагалось там же, где спишь, и это казалось мне странным.

Впрочем, для меня сейчас все было внове, и, если уж на чистоту, я бы и здесь предпочла большую общую спальню. Если кто-то начинает мешать другим, призвать к порядку толпой проще, чем вот так, оставшись один на один.

Особенно если учесть разницу в положении.

Может, Оливия и неплоха – для графини, – но она, как и Родерик, из другого мира.

Наверное, там тоже не ставят письменные столы в спальнях. Или ставят? Нам придется как-то делить его, чтобы не мешать друг другу. Впрочем, за этой громадиной можно и вдвоем уместиться.

– Я узнаю, можно ли привозить свою мебель, и прикажу привезти конторку, чтобы нам не мешать друг другу, – сказала Оливия, заметив мой взгляд.

Это «прикажу» царапнуло. Может быть, она в самом деле добра и дружелюбна, но она графиня и привыкла приказывать. Таким, как я.

– Наверное, так в самом деле будет удобнее, – натянуто улыбнулась я. – Извини, мне надо бежать, не со всеми делами еще разобралась.

Может, окажись она букой, было бы проще – молча сидеть по своим углам и не думать, как разговаривать с человеком, с которым у тебя ровным счетом ничего общего.

– Ты ужинала? Может, вместе сходим в столовую, прежде

чем ты снова побежишь по делам?

Я мысленно содрогнулась. Нет, конечно, нас учили столовому этикету, и я даже умела есть ножом и вилкой. Но одно дело – теоретически знать то, что, как я полагала, никогда не пригодится, другое – оказаться за одним столом с человеком, который впитал все эти правила с молоком матери.

К тому же «слева для богатеньких, справа для остальных».

– Спасибо, я не голодна.

Живот тут же громко заурчал, я смутилась. Оливия сделала вид, что не заметила, но и точно так же «не заметила», что я вовсе не рвусь мило с ней общаться.

– А у портнихи ты уже была?

– Мне не по карману ее услуги, – ровным голосом произнесла я.

Запихнула в шкаф мешок с формой – когда вернусь, нужно будет оценить масштабы катастрофы и хоть немного подогнать под себя. Раскидала по полкам содержимое сумки, оставив в ней лишь платок декана, переносную чернильницу с пером – прощальный подарок владельца приюта – и доску с пружинами, на которую можно было пристроить лист бумаги и чернильницу, чтобы писать на весу. Алек скопировал для меня расписание, но мало ли...

Когда я закрывала за собой дверь комнаты, пришлось изо всех сил сдерживаться, чтобы не шарахнуть со всей дури. Я прекрасно сознавала, что придумываю себе проблемы из ничего. Оливия не пыталась смотреть на меня свысока, ее веж-

ливость не отдавала холодом. Она просто из другого мира, который я не понимаю так же, как она не понимает мой

Умом-то я все это понимала, а чувствовала себя, словно опять оказалась в Летнем саду.

Что ж, придется привыкать. В конце концов, силком меня в университет никто не тянул. Госпожа Кассия предупредила, что будет сложно, я предупреждениям не вняла. Мое решение – значит, и все, что оно за собой повлечет, тоже достанется мне. И хорошее, и плохое.

Значит, кроме того, что преподают в университете, придется учиться манерам, милым и вежливым. Этикету знати нас в приюте не учили просто потому, что никто из нас не был знатью.

В этот раз, хоть и занятая своими мыслями, я не забывала смотреть по сторонам и слушать, мало ли... Но до факультета добралась без происшествий. Народа на полигоне поубавилось, тренироваться желающих не осталось, и я снова пожалела, что не могу растянуться на травке, глядя в небо и болтая ни о чем – если здесь найдутся желающие со мной поболтать.

Здание же факультета казалось вовсе пустым. Я даже поколебалась несколько мгновений – наверняка декан уже ушел, так стоит ли снова тащиться на третий этаж?

Ничего, не развалюсь. Приказ был однозначен, и лучше я ткнусь носом в закрытую дверь, чем меня потом ткнут носом, точно щенка, в невыполненный приказ, да еще и навер-

няка накажут.

И правильно я решила. Кабинет декана был открыт, а сам он сидел с книгой в кресле у окна.

– Явилась, – буркнул он в ответ на приветствие.

– Как приказывали, господин декан. Это ваше. – Я протянула ему платок. – Спасибо.

Он запихнул его в карман. Бегло просмотрел заключение целителя.

– Годна, значит... – Взял с подоконника и протянул мне записку. – Дисциплинарная отработка в библиотеке. Не менее трех часов в общей сложности, если не успеешь сегодня, значит, закончишь в другие дни. Отдашь записку госпоже Стефании, она найдет, чем тебя занять.

– За что? – не удержалась я.

Декан смерил меня взглядом. Странно – сидя он вроде бы должен был смотреть на меня снизу вверх, но я почувствовала себя букашкой, над которой уже нависает башмак.

– За провокацию.

– Но...

– Никаких «но». Вы, женщины, уверены, будто можете говорить и делать что хотите. Слова, за которые мужчину убили бы на месте, ничем вам не грозят. А когда у кого-то все же заканчивается терпение, кричите, что с вами неподобающе обращаются.

Я медленно вздохнула. Молчать.

– С Бенедиктом по поводу нарушения дисциплины разбе-

рется его декан, а ты впредь будешь выбирать выражения. Не просто же так он на тебя набросился.

Молчать во что бы то ни стало, власть на его стороне и...

– Так нечестно!

– А кто тебе обещал, будто жизнь соответствует твоим представлениям о справедливости? Свободна.

С лестницы я летела так, словно за мной изначальные твари гнались. Даже то, что декан понял, кто на самом деле на кого набросился, и не поверил угловатому, не радовало. «Провокация!» Да я тут самым своим существованием провоцирую – кого ущипнуть за задницу в штанах, а кого – дать по морде просто так, чтобы взгляд не оскорбляла плохо сидящим мундиром. Это барышень не бьют, а я не барышня, я девка. Чернь.

Так что мне теперь – исчезнуть, чтобы никого не провоцировать? Да не дождутся!

На последних ступеньках лестницы я едва не подвернула ногу. Пришлось остановиться и отдышаться – глупо будет упасть второй раз и еще чего-нибудь себе сломать. Маг должен владеть собой, правильно?

И тут же меня окликнули:

– Ух ты, а с тобой мы, кажется, еще не знакомились!

У расписания стояли два парня примерно моего возраста. Один согнулся, опираясь ладонями о колени, а второй, пристроив ему на спину лист бумаги и чернильницу, переписывал расписание. С одинаковыми русыми вихрами, в одина-

ковой форме, они казались братьями.

Согнутый поднял голову, с любопытством на меня глядя. Не казались, а определенно братья. Двойняшки. Сейчас, когда они рядом друг с другом, были видны отличия, но, наверное, только близкие не путали парней, если они по одному. Я, увидев во второй раз, точно спутаю, пока не привыкну к ним и не научусь различать по мелким деталям, как различала в приюте Мика и Мака.

От движения чернильница на спине согнутого сдвинулась, и второй подхватил ее.

– Да не дергайся ты, прольешь чернила, не отстираем!

Я молча вытащила из сумки доску с пружинами, протянула парням.

– Вот. Так удобней будет. И мы в самом деле не знакомы. Я Лианор.

– Та самая Лианор? – выпрямился согнутый.

Лист покатился с его спины, второй брат прихлопнул убегающую бумагу ладонью да так, что звон пошел по всему вествиюлю, а распрямившийся охнул.

– Что значит «та самая»? – не поняла я.

– Которая набила морду хлыщу с международного, – сказал тот, что поймал листок.

Интересно, на боевом все выражаются как в нашем приюте? Или мне на таких везет? Алек сам признался, что манерам так и не научился. А эти двое... Вихры торчат в разные стороны, будто их овечьими ножницами стригли, мундиры,

хоть и новенькие, грубой шерсти – тот, что выдал мне кастелян, был таким же. В плечах как раз, по поясу и на бедрах чересчур свободен. Зато ботинки новехонькие, не иначе как сегодня выданные.

– Я Закарий, а он Зенобий. Можешь звать нас Зак и Зен.

Похоже, нашлись еще двое из четверых приютских на первом курсе.

– Тогда я Нори.

– Так это правда? Про битую морду?

Я поморщилась.

– Интересно, на факультете остался хоть один человек, который об этом не знает?

– Нет, конечно, – фыркнул Зак. – Одни радуются, что международники огребли, другие злорадствуют, что от бабышны.

Он смерил меня взглядом.

– И это еще тебя почти никто не знает. А увидят, какая ты, – хлыщу прохода не дадут.

Что значит «какая»? Обычная.

– Мы думали, ты бой-баба какая-то, кулаком махнет – улочка, другим – переулочек, – подал голос Зен. – А ты...

– Бойцовый котенок, – подсказал Зак.

– Точно, бойцовый котенок. А тому хлыщу надо добавить. – Зен прищурился. – Маленьких обижать нехорошо.

– Сама разобралась, – буркнула я. – И еще разберусь, когда понадобится.

Никогда я не бывала в центре внимания. Это смущало, сбивало с толку.

– Если вам доска не нужна, я пойду.

– Нет-нет. – Зак выхватил ее у меня. – Погоди, мы быстро. И спасибо.

– Извини, если обидели, – добавил его брат. – Мы не со зла.

Я кивнула, давая понять, что извинения приняты. На правду не обижаются. Как говорит Алек, удобно, когда тебя недооценивают.

Хотя все равно обидно: одному не нравится мой пол, второму – происхождение, третьим – мой рост. И ни то, ни другое, ни третье я не могу изменить.

– Правда, не хотели обидеть. – Зак сунул брату исписанный лист и вернул мне доску для письма. – Давай мы тебя проводим.

– Да я и сама дойду, спасибо, – отмахнулась я.

– Мало ли... слава – она штука такая. – Парни двинулись по обе стороны от меня, проигнорировав протест. Ладно, хоть руки не распускали. – У нас вон год назад рядом с приютом столичного актера дамочка убила. В газетах писали: «Отомстила за неразделенное чувство». Мы думали, там не меньше чем... – Зак осекся. – Что он ее обесчестил, все дела, за такое надо мстить. А на суде выяснилось, что бедняга и знать о ней не знал, она в портрет влюбилась.

Что-то много они «думают» и все невпопад. Но я не ошиб-

лась, решив, что парни из приюта. И не столичного, скорее всего: такой скандал мимо нас бы не прошел. Как ни старались воспитатели уберечь нас от «грязи» – сплетни в приют долетали исправно. То повар судачил с судомойкой, то поломойка с ночным сторожем, а лишние уши и языки, чтобы разнести сплетню, всегда найдутся. Даже если она вовсе нас не касается, вроде той, будто старший сын императора впал в немилость и отец отослал его из дворца, передав право наблюдения младшему.

– Слава, – повторил Зен. – Не стоит тебе пока одной ходить.

– Я же не столичный актер, – отмахнулась я.

Впрочем, уже было понятно, что эти двое так просто не отцепятся.

– А вдруг кто решит проверить, это ты так лихо дерешься или международник слабак?

– Это вы тоже «подумали»? – поинтересовалась я.

– Это мы...

– Подслушали, – раздался за спиной знакомый голос, от которого у меня на миг сбилось дыхание. – Спасибо, парни, дальше я сам за своей девушкой пригляжу.

Глава 12

– Я не твоя девушка! – возмутилась я, но меня никто не услышал, потому что одновременно хором обиделись близнецы:

– Мы не подслушивали, вы со старостой при всех разговаривали!

– Хорошо, не подслушивали, прислушивались к разговорам, которые вас не касаются, – не стал спорить Родерик. – Если вы с Лианор обсудили все, что хотели, я вас не держу.

– Не всё, – возмутилась я. – И вообще, кто еще подслушивает!

Близнецы переглянулись. Посмотрели на Родерика. На меня.

– Ладно, котенок, до завтра. Не проспай, – сказал Зак.

– Котенок? – приподнял бровь Родерик. Я мысленно застонала – вот и готова кличка. Ну хоть не «принцессочка», как в приюте. Стоило в четыре года, наслушавшись сказок, сказать, что, когда вырасту, за мной придет принц и заберет отсюда, – и на следующие четырнадцать лет хватило.

– Бойцовый котенок, – ухмыльнулся Зен. – Скажи, что непохожа.

Родерик рассмеялся, но, странное дело, этот смех меня совсем не обидел.

– Похожа. До завтра, парни. На физухе увидимся.

Близнецы исчезли.

– Разве физподготовка не только для боевого? – спросила я, чтобы хоть о чем-то говорить, вместо того чтобы размышлять, почему рядом с ним мысли путаются, а сердце скачет.

– Обязательно – только для боевого, но никого не гонят, и я стараюсь не пропускать. А то, сидя над учебниками, недолго и к стулу прирасти. Кстати... – Он извлек из поясной сумки два дымчатых кристалла. Один отливал голубым, второй – алым. – Возьми.

– Что это? – спросила я, не торопясь брать кристаллы в руки.

– Зачаровал для тебя. Красный – будильник, чтобы ты не проспала подъем. Физподготовка каждый день, так что я поставил на шесть утра и не стал привязывать способы активации. Правда, заклинание не различает дней недели, так что перед выходным засунь артефакт поглубже в шкаф и накрой одеждой.

Я онемела. Никто и никогда не дарил мне таких дорогих вещей.

– А на голубом купол тишины и темноты. Отдашь соседке, чтобы не мешать ей по утрам. Чтобы активировать, надо согреть в руках, обычно хватает медленно досчитать до десяти. Не знаю, кто она и как у вас сложится дальше, но мало кому понравится, что его будят на полтора часа раньше. Мелочь, но наше отношение к другим всегда складывается из мелочей.

– Мелочь? – наконец обрела я дар речи. – Может, для тебя и мелочь. Извини, но я не могу это принять.

– Нори, это просто подарок, – мягко сказал Родерик. – Он тебя ни к чему не обязывает.

– Это слишком дорогой подарок. Я не приняла бы его, даже если бы в самом деле была твоей девушкой. Но я тебе ничего не обещала и...

Я не договорила – просто не хватило слов, и сжалось что-то внутри. Сейчас он, как и Алек, пожмет плечами и скажет: «Так и я тебе ничего не обещал» – и все будет понятно. Просто игра.

Просто...

– Ты мне ничего не обещала, это правда, – сказал Родерик, засовывая кристаллы в карман. – Зато я тебе кое-что обещал. И раз кофе с пирожными тебя не устраивают... – Он снова сунулся в сумку и вытащил оттуда белоснежный сверток, от которого пахло свежей выпечкой и мясом, да так, что у меня живот заурчал на всю округу.

Я растерянно перевела взгляд со свертка на Родерика.

– Держи. – Он сунул сверток мне в руку. – Готов поспорить, что поесть тебе так и не дали. Надеюсь, это – не слишком дорогой подарок?

Я снова посмотрела на сверток. Честное слово, протяни мне Родерик горсть золотых монет или драгоценностей, я бы не колебалась, отказываясь. Но у меня с утра маковой росинки во рту не было, а пахло просто одурачивающе.

– Нори, в самом деле, кусок пирога еще никого не компрометировал, – все так же мягко добавил он.

– Спасибо. – Я развернула ткань, и запах стал вовсе невыносимым, мне понадобилось недюжинное усилие, чтобы не вгрызться в пушистое румяное тесто, урча и чавкая. – Давай пополам?

– Я не голодный.

На вкус пирог был еще лучше, чем на запах, и какое-то время я не могла говорить – только жевать. Родерик тоже молчал, просто шел рядом. А потом протянул мне фляжку.

– Вода.

– Спасибо, – повторила я, напившись. – Ты меня просто спас.

– Не за что, – улыбнулся он.

– И все равно спасибо. – Я остановилась у дверей главного корпуса, в котором располагалась библиотека. В отличие от здания боевиков, здесь народа по-прежнему хватало. – И за пирог, и за то, что проводил. И за артефакты. Я не могу их принять, но забота дорога сама по себе.

– Кажется, ты собираешься со мной распрощаться, – усмехнулся он. – погоди, помогу донести учебники. Их много, тяжело тебе будет.

– Не стоит. Три часа дисциплинарной отработки, и я надеюсь управиться за сегодня. Мало ли, что принесет завтра. Родерик извлек карманные часы.

– Да, если пойти прямо сейчас, как раз уложишься. Рейт

в своем репертуаре, да?

– Я не знаю, что у него за репертуар. – Как ни подмывало пожаловаться на несправедливость мира, ныть не стоило. Тем более что жалобы ничего не изменят.

– «Барышни приходят к нам не из любви к боевой магии, а из любви к боевым магам», – довольно похоже передразнил Родерик. – Помнится, я ему сказал, что не стоит переносить собственный неудачный опыт на всех барышень.

– Да ладно! – не поверила я. – И выжил?

Он рассмеялся.

– Тридцать часов отработки.

Ого! Это со мной он, выходит, еще мягко обошелся?

– Зато научился виртуозно работать метлой и лопатой. Без всякой магии.

Родерик взъерошил мне волосы.

– Ладно, беги, котенок, а то ничего не успеешь. И не трать время на очередь.

Я кивнула. Уходить не хотелось. Но время ждать не будет.

Оставалось только надеяться, что все сюрпризы на сегодня закончились.

Библиотека занимала половину второго этажа, и очередь к ней начиналась у самой лестницы. Похоже, все студенты решились заглянуть за учебниками в самый последний момент – и дело, которое в теории должно было бы занять несколько минут, превратилось в бесконечные часы ожидания.

Даже если бы Родерик не предупредил меня насчет оче-

реди, я не стала бы терять время. Но просто так пропускать меня никто не собирался. Девушка года на два старше схватила меня за рукав.

– Эй, куда лезешь, занимай очередь!

– Я на отработку, – огрызнулась я, вырывая руку. Но тут же влезла еще одна:

– Хитрая какая нашлась. Никто не станет назначать отработку в неучебный день.

– Мне назначили.

– Это что такого нужно было учинить?

– Набить морду человеку, который влез не в свое дело, – сказала я, глядя ей в глаза.

Барышня выпустила мой рукав и отшатнулась – а мне только того и нужно было.

– Чокнутая, – донеслось мне в спину. – Все они на боевом думают, что сила есть – ума не надо.

Я мысленно пожала плечами. Брань на врату не виснет, а объясняться с каждой, что лезет не в свое дело, – язык отболтать можно, тем более что оправдываться мне не в чем.

Парень, стоявший у дверей, попытался подставить мне подножку, но я спокойно перешагнула его ногу, не удостоив и взглядом.

Ближайшее ко входу пространство занимал с десятков письменных столов, дальше стояла конторка, а за ней находилась дверь, в просвете которой виднелись книжные шкафы. Женщина за конторкой заправила за ухо седой локон,

подняла на меня взгляд.

– Барышня, займите очередь, пожалуйста.

– Я на отработку, – повторила я, доставая листок от дека-на.

Женщина взглядела в него, держа на вытянутой руке.

– В самом деле. Простите, дорогая. Минутку. – Она протянула стоявшему ближе всех парню листок, тот оставил на нем закорючку и подхватил стопку книг, наверное, в половину собственного роста. Перенес на ближайший стол и начал распахивать по сумкам.

Хорошо, что и я свою взяла, тут одним ремнем точно не отделаешься.

– Иди сюда, милая, – сказала женщина. – Зови меня Стефания. А тебя как звать?

Я представилась.

– Пойдем, Лианор, – продолжала она, увлекая за собой в дверь.

Помещение внутри оказалось сплошь уставлено стеллажами с книгами. Множеством одинаковых книг.

– Не знаю, что вы натворили, но не иначе как светлые боги вас мне послали.

– Нас? – переспросила я, начиная догадываться, что день еще не закончился.

– Тебя и этого милого юношу, Бенедикта.

Точно подтверждая ее слова, угловатый выглянул из-за ближайшего стеллажа и улыбнулся. Я мысленно выругалась.

Выглядел он, конечно, так себе. Отек с глаз и носа убрали, но синяки остались. То ли потому, что, раз образовавшись, они не поддавались устранению с помощью магии, то ли их специально оставили, в назидание. У меня под ложечкой тоже разливалось сине-багровое пятно, даром что оно уже не болело. Но мой-то синяк никто не увидит, а вот Бенедикту светить лицом.

Но неужели это я так его расписала? Вроде и стукнула-то пару раз всего...

Нет, не я. Синяк под правым глазом – моя работа, определено, а левый я ему подбить не могла, без одной-то руки. Кто успел и когда? Пожалуй, спрашивать не нужно.

На мгновение я почувствовала себя отмищенной и поторопилась опустить взгляд, чтобы угловатый не увидел в нем злорадства. Конечно, не стоило надеяться, что, получив выговор от своего декана и отработку, он успокоится, но и подливать масла в огонь незачем.

Бенедикт, не произнеся ни слова, снова скрылся среди стеллажей, а библиотекарша подвела меня к тому, что был ближе всех ко входу. Здесь книги не стояли одинаковыми рядами, а лежали стопками.

– Собирайте учебники, чтобы мне оставалось только их выдать, – сказала госпожа Стефания. – Вот на этой полке – для боевиков, тут – целители, рядом – алхимики.

Она взяла с полки «боевиков» листок.

– Тут списки. Для каждого курса. На обратной стороне –

схема хранилища и где искать.

Уже легче, не придется перебирать все стеллажи в поисках нужного.

– Твоя задача – сделать так, чтобы на полке постоянно было минимум три комплекта для каждого курса. Понятно?

Я кивнула. Интересно, кто этим обычно занимался? Если библиотекарша сама будет бегать за дюжиной учебников для каждого, и до утра не управится. Нанимали помощников или хватали первого, кто не успеет увернуться?

– Обычно мы с помощницей за несколько дней загодя собирали, но она заболела, а я одна не успела, – угадав мои мысли, сказала библиотекарша. – Так что очень вы меня выручите.

А заодно и учебники без очереди получим. Если до того друг друга не приедем. Впрочем, не настолько же Бенедикт идиот, чтобы задирать меня, когда в открытую дверь видна и библиотекарша, и голова очереди из студентов?

Я подхватила с полки лист со списком учебников для химиков и мысленно застонала. Вроде все учебники «химия», и все разные. Чем, спрашивается, «органическая» отличается от «неорганической»? А «физико-коллоидная»?

У целителей, впрочем, все было еще хуже. Вот скажите на милость, что за зверь такой – «пропедевтика»? А «цитология»?

Язык же не повернется этакое выговорить, честное слово! Я считала себя неглупой и начитанной, но, похоже, начитан-

ной я была только по меркам приюта. Вот почему бы библиотекарьше не поручить все эти заковыристые названия угловатому?

– Что, не умеешь читать, бедняжка? – прошипел он у меня за спиной. В следующий миг стопка книг на полке рядом со мной покачнулась, зацепила соседнюю и с грохотом повалилась на пол.

– Какая же ты неловкая, Лианор, – громко и с притворным сочувствием протянул Бенедикт и добавил куда тише: – Я тебя в порошок сотру, и дружки не помогут.

Глава 13

Дружки? У меня?

– Кишка тонка, – так же тихо прошептала я и добавила громче: – А все потому, что кое-кто поленился снимать книжку с полки руками и промахнулся заклинанием. Теперь вот мне за тобой собирать.

– Дочь шлюхи...

Он в самом деле полагал, что это меня оскорбит? Конечно, в детстве все мы хотели верить, что родители – богатые и знатные, как же иначе! – просто потеряли нас и непременно найдут. Но сейчас-то я взрослая и в сказки не верю. Если посмотреть правде в глаза, моя мать, скорее всего, продавала себя на улице. Как и матери большинства приютских подкидышей.

– ...подняла руку на потомственного дворянина, – продолжал шипеть угловатый. – У меня достаточно доказательств для суда, и твои дружки меня не запугают. Кнут и тюрьма, вот что тебя ждет, а не университет.

Нельзя сказать, будто угроза совсем меня не напугала, но показывать этого я не собиралась.

– Может, моя мать и была шлюхой, но она позаботилась обо мне, как могла. А твоя не смогла вложить в тебя хоть каплю ума. «Для суда»! – передразнила его я – Дочь шлюхи избила потомственного дворянина. Хочешь стать посмеши-

щем не только в университете, но и в городе?

– Я скажу, что счел ниже своего достоинства поднять руку на женщину и потому не сопротивлялся.

Ага, а синяк у меня на животе сам собой появился. Впрочем, рассказывать, что у меня тоже есть бумага от целителя, не стоит. Равно как и надеяться на справедливый суд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.